

Анастасия Вихарева
Семиречинская академия:
наследство бабушки Авдотьи

16+

Анастасия Вихарева

**Семиречинская академия:
наследство бабушки Авдотьи**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вихарева А.

Семиречинская академия: наследство бабки Авдотьи /
А. Вихарева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07723-2

Часть I. Брат, похоже, сошел с ума. Связавшись с мошенниками, спустил все, что оставил отец. Так Кирилл оказался в деревне. Но именно там, пройдя через испытания, он открывает дорогу в новый мир. Часть II. Что это - эксперимент? Почему их собрали и бросили здесь? Они ж такие разные! Как ужиться друг с другом, как понять, что эти зелененькие лепечут или рычат тупорылые зверящеры?

ISBN 978-5-532-07723-2

© Вихарева А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	52
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Часть первая

Глава 1

Кирилл на мгновение растерялся: пустыня? Набрал горсть обжигающего песка, пропустил сквозь пальцы. Заметив высокий бархан, взобрался на него. Ноги тонули и проваливались, песок набился в кроссовки, от земли поднимался жар, как от раскаленной печи. Ярко светило солнце, с моря дул легкий бриз, но не приносил облегчения – сразу захотелось пить.

Море было недалеко. Синее, как пролитые чернила. Но не это взволновало его: неподалеку он заметил город – невысокие каменные здания. И рощу: здесь пустыня оборвалась.

Он спустился в сторону города, наткнувшись на небольшую группу людей, которые восседали и возлежали на покрывалах. Странная одежда, такую давно никто не носил. Цветные хитоны и туники, переброшенные концами через плечо, подвязанные шаровары. Перед каждым лежал кирпич или гладко отшлифованная дощечка с нацарапанными буквами, по которым они водили иглами из металла и дерева.

И смеялись...

Кирилл знал наверняка, что речь их чужая, и даже не задумался, как он понимает, о чем они говорят.

– Ты думаешь, он стоит за спиной? – мужчина задумчиво прислушивался к себе, замерев с поднятым пальцем у лба.

– ... – и никакого ответа Кирилл не услышал, но заметил, что игла, которую мужчина держал в правой руке, прошла по кругу, едва уловимо останавливаясь на некоторых буквах.

Кирилл не понимал, что делает человек, остановился, засмотревшись. Люди вокруг занимались тем же самым, разговаривая с невидимым собеседником. Кирилл никогда не видел такого скопления народа, которых всем скопом следовало бы отправить в психушку.

– Мальчик, ты с кем? Ты чей? – услышав он голос за спиной.

Кирилл вздрогнул и оглянулся. К нему шел юноша, лет восемнадцати, в синем хитоне, поддерживая полы и опираясь на посох. Глаза его были до того пронзительными и ясным, что казалось, будто он смотрит сквозь него. Черные волосы кудрями рассыпались по загорелым плечам, движения его крепкого тела были уверенные и мягкие.

Перед тем, как подойти к Кириллу, юноша остановился перед мужчиной, выслушав его. Долго смотрел, потом бросил одно лишь слово:

– Разверни, – и перешел к другому человеку.

Самоуверенность юноши, да еще за таким глупым занятием, в какой-то степени позабыла Кирилла. Но к своему удивлению, заметил, что взрослые ему внимали. Похоже, юноша был тут за главного.

– А ты почему не достаешь богоугодную жертву? – он словно бы вспомнил про него, обратившись с вопросом.

– Чего не достаю? – ошарашено переспросил Кирилл.

– Жертву...

Кирилл какое-то время смотрел то на юношу, то на людей.

– А-а... что они делают?

– Чистят информационное поле, чтобы услышать в голове голос Бога, – внимательно его рассматривая, ответил юноша. – Он говорит с нами. С каждым из нас. Но услышать его могут только те, кто возделывает свою землю. Здесь, – юноша приложил руку ко лбу.

– ??? – Кирилл изумленно уставился на юношу.

– Как же ты станешь магом, если не научишься управлять своим собственным пространством? – нахмурился молодой человек. – Без своей земли тебе не попасть в обитель Ра, твои

демоны порубят тебя прежде. Ты даже не услышишь вопроса, зачем пришел. Все эти люди, – обвел он народ рукой, – учатся убивать демонов. Ра – Бог Солнце, он озаряет наш разум Светом, проливая на нас воды Священной Реки.

– Я? Магом? – Кирилл опешил, бросив взгляд в сторону людей, по которым было незаметно, что они воюют с демонами. Выглядели они счастливыми.

– Да, магом, – миролюбиво окинул его взглядом юноша. – Ты, наверное, новенький? Я тебя раньше не видел. И одет странно... – задумчиво пробормотал он. – Сандалии... песок набивается и застревает. А штаны? Заползет скорпион, будешь бить себя руками? И рубашка не пропускает воздуха и не защищает от солнца.

На пару мгновений молодой человек ушел в себя, будто тоже разговаривал с невидимым собеседником, повел бровями и, приоткрыв рот, издал едва слышное «О-о».

– А ты кто? – нахмурился Кирилл.

– Жрец и хороший учитель, – юноша подбросил деревянный посох. – Смотри!

Посох упал на землю, обратившись в змею. Змея приподнялась, раскачиваясь из стороны в сторону, нацеливаясь на него. Но юноша улыбнулся, подставил ей руку. Змея заползла в ладонь, юноша встряхнул ее, и та обернулась посохом.

– А-а... – промывчал Кирилл неопределенно. Перевел взгляд на толпу, испытывая необъяснимое чувство борьбы между тем что видел, и тем, во что верил.

Юноша слегка наклонил голову, поманив за собой приветливой улыбкой, неторопливо побрел между рядами, позволив пристроился сбоку.

– Учатся, – кивнул он.

– Чему? – Кирилл искренне удивился.

– Чувствовать боль, радость, слушать голоса во тьме, видеть и понимать Око Ра. Чтобы человек стал чистым, мертвые должны уйти. Все эти люди постигают Книгу Мертвых.

– ??? – снова не понял Кирилл.

Юноша постучал себя по лбу.

– Здесь. Ты должен вспомнить все, что с тобой было, найти всех, кто притаился во тьме.

– В какой тьме? – с неверием усмехнулся Кирилл.

– Вот, брат твой... Кажется, его Александр зовут? – юноша прищурился, изучая Кирилла.

И снова показалось, что он заглянул в душу. От ясного и пронзительного взгляда по спине пробежал холодок.

– Да, но... – Кирилл растерялся.

Имя Александра юноша знать не мог.

Телепат?

– Люди заставили его уснуть, а пока спал, зарыли в темнице. Он с ними до сего дня, но не знает об этом. Мертвые тени блуждают рядом с ним, и он уже не помнит ни тебя, ни вашу маму. Мертвецы утащили его с собой во тьму, а душа горит в огне. Он жив, но мертв. И только тот, кто знает язык мертвых, может заставить мертвецов открыть свои лица.

– А как ты узнал имя Саши? – подозрительно спросил Кирилл.

На мгновение ему показалось, что юноша, испытующе вглядываясь в его лицо, чего-то испугался. Он помрачнел, прикусив губу, и словно бы закрылся от него посохом, крепко сжав его побелевшими пальцами.

– Мальчик, ты пришел из будущего... – юноша нахмурился еще больше. – Я... рад... Рад, что умру прежде, чем твое будущее наступит.

– Почему? – пожал плечами Кирилл.

– Рука твоя исторгает боль, которую только слепой не увидит, – юноша осуждающе покачал головой. – Старшие жрецы предупреждали меня, и Бог говорил то же самое, что однажды придут темные времена, когда демоны сойдут на землю и будут править людьми, но я не верил. Ты пугаешь меня, – признался он. – Я... я не готов... Как же я буду лечить людей, если боюсь

болезни? – похоже, юноша снова обращался к невидимому собеседнику. И тут же поднял глаза на Кирилла: – Наверное, Ра вызвал тебя, чтобы показать мне мою самоуверенность. Услышав Бога, рано считать себя его Сыном.

– Бога? – Кирилл улыбнулся.

– А разве можно сомневаться, если ты здесь? Для него нет ничего невозможного, – юноша дотронулся до Кирилла рукой, точно сомневался, что видит живого человека. – Ты далеко... Ты очень далеко! Но я тебя вижу. И ты видишь меня.

Кирилл перехватил его руку, останавливая.

– У нас это по-другому называется... – он кивнул на людей. – Массовый психоз. У меня мама врач, я в этом разбираюсь. Да вас всех... прости за прямоту, в психушку надо отправить. Нет, я... но я не собираюсь...

– Твоя мама лечит тело, а мы – разум и душу, – усмехнулся юноша, внезапно улыбнувшись. – Бог – Всевидящее Око, и он говорит из пространства. Я не могу показать, Он открывается внутри человека. Но если пожелаешь – увидишь! И приходит Он с легионами охраняющих его духов, у которых железные клювы и медные крылья, и все они будут клевать и рвать тебя и кричать: «Уйди!» Но если победишь легионы, однажды он откроет Лицо. Смотри, сколько людей посвящают свои руки Господу. Разве ты видишь в их лицах хоть каплю сомнения? – жрец взмахнул рукой. – Они учат язык мертвых и учатся отвечать на вопросы. Пока так, с помощью кирпича и иглы, а когда легионы рассеются, будут слышать здесь, – он приложил ладонь ко лбу.

– Охренеть! – пробормотал Кирилл.

Юноша с любопытством придвинулся к Кириллу.

– Откуда ты? Из какой страны? Из какого времени? Ни в землях Египта, ни в землях, которые вокруг, нет ни одного человека, который бы сомневался в существовании Ра!

– Я из России... – начал Кирилл и замолчал, вспомнив, что во времена Ра такой страны не было.

– Россия? Никогда не слышал, – юноша задумчиво покачал головой.

– Есть такая! – упрямо пробормотал Кирилл. – На севере... там, где зимой идет снег.

– Да, я знаю. В далеких землях, за морем, где много рек и озер, живут люди, которые называют бога Родом. Я учусь с ними в Великом Храме Семиречья. Расскажи мне о будущем. О твоём будущем.

– Ну, мы в космос поднялись, а это уже о чем-то говорит, – Кирилл позволил себе погордиться. – Вам, с вашими кирпичами, до нас далеко. Вы, вон, еще бумагу не изобрели.

– У нас есть бумага... У нас много что есть, – усмехнулся молодой жрец. – Мы продвинулись дальше. Мы знаем, на чем стоит космос, как стоит, и что бывает, если уподобиться демону, – юноша усмехнулся, повернувшись спиной, через полуприкрытые веки рассматривая горизонт. – А эти люди утратили знания во время катаклизма, которому сами были виной, и теперь мы возвращаем их. Но нельзя сразу дать то, к чему люди еще не готовы. Когда твой брат предаст тебя, ты поймешь, о чем я, – тихо сказал он.

– И ничего не предаст, – сердце Кирилла облилось кровью.

Вот она – тяжесть! Боль и обида поднялись из сердца и захлестнули, обжигая и сдавливая грудь. Слова жреца ранили глубоко, словно приблизив что-то неотвратимое и страшное, о чем он знал, но не мог вспомнить.

Кирилл сверлил жреца взглядом, а юноша оставался спокоен, задумчиво поглаживая посох, не отрывая взгляда от того, что он видел где-то там, за горизонтом.

– Я вижу! – чуть громче и настойчивей произнес жрец. – Не далее, чем неделю назад, твой брат обобрал вас до нитки и не оставил себе ничего.

– Нет! – Кирилл сделал шаг вперед, сжимая кулаки – и остановился. Юноша уже стоял к нему лицом, приготовившись отразить нападение, выставив между собой и им посох. Он

крепко зажмурился, стараясь проснуться. Где-то там, во тьме, было что-то такое, о чем сказал юный жрец. – Нет! – повторил Кирилл уже не так уверенно и со страхом.

– Я могу смотреть в будущее, и так далеко в космос, куда вы никогда не сможете долететь. И ты... – жрец расслабился, убирая посох с дороги. – Ты тоже мог бы. И ты увидишь.

Жрец что-то говорил еще, но голос стал звучать глухо, проходя волной через все тело – и почему-то перестал принадлежать юноше, проскрипев старушечьим голосом где-то совсем рядом, над ухом:

– КНИГУ-ТО, КНИГУ БЕРЕГИ!!! ТАМ СЛОВА, В КОТОРЫХ ИСТИНА!

– Какую книгу? – с запоздалым любопытством вслух подумал Кирилл. Мир жреца тонул во мгле.

– КНИГУ МЕРТВЫХ! – проскрипело над ухом.

Было холодно. Под ногами, засасывая и налипая на ступни, хлюпала жидкая глина, скользкая, как мыло. Небо покрывали свинцовые тучи. Мелко моросил дождь с крупинками снега. Поздняя осень с ранней зимой. Еще не все деревья сбросили красные и желтые листья. Или это был тот самый первый снег, после которого зимы оставалось ждать еще месяц. Промозглая слякоть поднималась колючим белым туманом, заполняя низины небольшой извилистой реки, вдоль которой вилась натопанная и изрезанная ободами колес дорога, срезая по пойменным лугам.

Кирилл с трудом передвигал ноги, спина горела от ударов, губа распухла, глаза заплыли, перебитое колено почти не разгибалось.

Рядом, нестрогой колонной по трое, шли такие же связанные по рукам люди в рваных одеждах, едва прикрывающих изможденные тела. Многие, как и он, шли босиком, изранив ноги в кровь. Много, очень много людей, измученные дорогой, и кто-то тащил его вперед, поддерживая сбоку и сзади. Старики, женщины, совсем дети, крепкие мужчины и молодые парни. Колонна растянулась на пару сотен метров. С обеих сторон их сопровождали хорошо одетые вооруженные люди с мечами и на конях, без усталости работая плетками, подгоняя людей картавыми криками и бранью.

– Немцы что ли? – ни к кому не обращаясь, в ужасе сжался Кирилл.

Интуитивно он почувствовал, что сбылось то, о чем предупреждал юноша.

Или ему показалось... Юноша и жаркое солнце уплывали из памяти, как сон.

– Да нет, – услышал он рядом, – Золотая Орда... Здорово тебя приложили! Думали, не оклемаешься. Давай-ка теперь сам, – отпустил его мужчина, что шел рядом и тащил под руки.

– Как зовут-то тебя? А то не имени, ни отчества... Наш, не наш?

– Кирилл, – машинально ответил Кирилл, обдумывая услышанное. И вдруг брови его поползли вверх. – Какая Орда?

– М-да... совсем память парню отшибло, – проговорили справа, хохотнув. – Орден такой, христианский... Тут не только германцы и скандинавы, сброд со всего света, и все без роду-племени. Замерз, поди? – заботливо поинтересовались у него сзади. Обернуться не получилось, веревка стягивала шею и руки. – Что ж ты на самой дороге-то упал? Кто в наше время по дороге ходит? Мог бы в лесочке. Авось, прошли бы мимо, а теперь, вот, с нами.

Кирилл кивнул, обнаружив, что привычной одежды у него нет, на нем висели какие-то лохмотья с чужого плеча, едва прикрывая голое тело, и наброшенная сверху шерстяная шаль, подвязанная крестом.

– Позади согреются, передадут одежду, потерпи... Странная у тебя была одежка, странник что ли? А по лицу – наш... И говоришь по-нашему... А руки-то, руки белы... Из княжеских будешь?

Кирилл отрицательно замотал головой.

– Тады разбойник... Нынче все разбойники... – усмехнулся старческий голос со спины. – Басурманина обидел?

– Да не обижал я! – взвыл Кирилл.

Терпеть боль не было никаких сил. Из носа все еще шла кровь, крупными каплями падая на веревку. Он умнел на глазах: нет, это не сон... во сне такой боли не испытывают. Он едва не вскрикнул, когда-то кто-то споткнулся и ткнулся в горящую от боли спину. Извернулся, глянув через плечо, заметив парня лет двадцати пяти, с длинными спутанными волосами, с опухшим разбитым лицом и следами плетей по всему телу.

Кирилл не сразу заметил, что у парня вырезан язык. Догадался, когда тот ответил на взгляд, что-то промычав, подбадривая.

Вид чужой беды напугал Кирилла еще больше.

С другой стороны, чуть отставая и прикрывая собой, как скала, выступал мрачный, богатырского вида мужчина, с застарелыми шрамами по всему телу. Тот самый, который тащил его. Был он высок и широк в плечах – и странный не сломленный взгляд, который смотрел сурово, с тихой болью, будто все шли в плен, а он провожал. На просвистевшую в воздухе плетку богатырь в легкой рубахе, свисающей с него лоскутами, глянул хмуро. Нагнув голову, чтобы налившейся кровью взгляд с застывшей ненавистью был не так заметен.

– Ты держись, молодой еще, может, выживешь и вернешься, – посоветовал он глухим голосом, когда охрана проследовала дальше. – Здесь дорогу охраняют. Недалеко вражеская застава. Сбежишь, переловят или волков спустят, а к лесу выйдем, там сторожить несподручно. Если пойдешь против течения, к своим выйдешь. А рыбы в реке навалом, не пропадешь. Как раз до зимы успеешь.

– Токмо надо понять, кто свой, а кто чужой. Среди наших тоже есть псы поганые. Уводят и продают, как скотину, – бросили впереди обиженно, кивнув на скачущий навстречу отряд. – Сжигают книги, убивают волхвов, разоряют селения. Всех убивают, кто в спасителя их не верит.

– А как верить, он же помер тысячу лет назад... Сами же и убили! – усмехнулся еще один, позади. Оглянуться Кирилл не посмел, двое охранников были почти рядом, направляя коней по пожухлой траве обочины.

– Не оне... Объявлен разбойником за кровь невинную. Чертом себя за спину садил и объявлял духом святым, – прозвучал за спиной молодой голос, не прошедший ломку. – Мол, я один свят, а все другие бесы. И се, как узрите меня на небесах ваших, пути ко мне направляйте, я есть стезя пространныя и тернистая, кровь и плоть... И на детей позарился.

Охранники пустили лошадей в галоп. Кирилл повертел руками, ослабив веревку. Вытащил ладонь, развязал узел на шее. Но снимать веревку совсем не стал – могли заметить.

Наконец, он мог повернуть голову.

Прямо позади него шел почти старик. Глубокие морщины, седая борода. Острый с горбинкой нос, впалые щеки. Заостренное лицо продолговато, с высоким открытым лбом. Седые длинные волосы, перехвачены шерстяной перевязью на лбу, спутано падая на плечи. Широкие льняные штаны и порванная рубаха до колена, подвязанная вязанным пояском с кисточками.

Не иначе, старика выдернули прямо с кровати. Штаны и рубаха когда-то были белыми, исподними, в котором спят. Наверное, раньше он был силен. Он и сейчас держался прямо, ступая мягко, словно крался. Цепкие глаза его окинули Кирилла, почему-то заставив сжаться, словно он взглянул в омут, забыв обратить внимание на их цвет и остальные приметы.

Рядом со стариком шел пожилой мужчина с рыжеватой шевелюрой. С выступающими широкими скулами и распухшим, в кровоподтеках носом-картошкой. Широкий подбородок с глубокой выемкой, разбитые опухшие губы и кровоточащие десны с выбитыми зубами. Телом он был еще крепок, и глаза его, глубоко посаженные под широкими нависающими бровями, были не менее ясными и пронзительными. Одет он был, ни в пример остальным, точно соби-

рался в плен заранее. Теплые штаны с меховой оторочкой, теплая вязанная из толстой льняной нити рубаха, небольшая котомка-мешок.

По другую сторону от старика шел высокий крепкий мужчина, лет тридцати пяти, чем-то похожий на богатыря, который поддерживал Кирилла, но меньше ростом. Такой же широкий, плечистый, голубоглазый и светло-русый, а за ними весело скалился тот самый худой молодой балагур, который пошутил насчет Спасителя. Балагур кивнул Кириллу в знак приветствия, проявляя любопытство и без стеснения разглядывая его. Ему было около тридцати, с подвижными чертами лица.

Рядом с балагуром шел парнишка. Совсем юнец, с нежной кожей, по-детски припухлыми чертами, испуганный, озирающийся по сторонам. Он старался держаться ближе к статной женщине со спутанными волосами, в рваном сарафане, которая выступала широким твердым шагом, иногда что-то подсказывая пареньку.

За всеми ними шли еще люди, но рассмотреть их как следует не получилось, лица многих ничего не выражали, кроме отчаяния и глухой тоски. Большинство из них смотрели под ноги, не поднимая головы, лишь изредка зыркали по сторонам, заслышав топот лошадей.

– А ты отколь знаешь? – недоверчиво проворчал высокий старик к балагуру, который до этого с подозрением рассматривал Кирилла. – Языком чесать надо к месту.

– Я с такой мутью не выжил бы, – с досадой произнес балагур. – Муть ихнюю полгода с себя снимал. Избави вас Боженька от такой тьмы! Молитвослов евангельский теперича от корки до корки разобрал. Греческий-то я уразумею, был я уже у них. Не марают, погани, рук, спускают на людей мертвечину – и люди сами все добро отдают, слезами обливают да ноги маслом умамливают, а те сидят и считают, не положил ли краяхи хлеба за пазуху. Чтобы я так жил! – произнес он на распев и с акцентом, определенно кого-то копируя. – Болезные оне: чертовщина примерещилась, а оне и рады. Павлик их, который явление Божьего Сына узрел, по всему свету рыскал в поисках достатка для энтих боголюбов.

– Тут ты не прав! Они не на всякую чертовщину крестятся, только на противную, которая зубы в ответ скалит, – прилетело откуда-то спереди.

– Во-во! – обрадовался балагур проявленному интересу.

Видимо, от тяжелой дороги устали все. Или всем уже было все равно, услышат их, не услышат, и что с ними будет. Люди как-то сразу оживились, посматривая через плечо, кто с надеждой, кто со страхом. Кто-то пересилил себя и зашагал бодрее.

– Дык че? И отдают! – рассмеялись за три ряда впереди, не обернувшись. – И приписываются к крепостям под княженьку ихнего. Раньше вся земля наша была: где хотел, там и селился, а теперь уже и не наша, под боярами да церквями. Бабам черненьких да рыженьких рожать стало не в диковинку!

– А нас не спрашивают, – вскинулась женщина, хмуро глянув на мужчин исподлобья.

– Подожди миленькая, я тебе орудие их на блюде поднесу, если до Бога достану, – с болезненным сочувствием бросил женщине через плечо мужчина, который шел перед Кириллом.

– Это ж каким окаянным гадом надо быть, чтобы свое же дите на петле подвесить да псом назвать? – покачал головой еще один. – Ну не признал, так ведь лицом один в один. Был у нас случай, да не один.

– Эка невидаль, – усмехнулся сквозь зубы грамотный балагур, ядовито посматривая на охранников, которые закусывали на ходу хлебом и вареными яйцами, доставая из сумы на сидлах. – Спаситель ихний племяша, Иоанна Марка – четырнадцать пацаненку не исполнилось, – брал с собой в постель, верша по ночам таинства. И то его, а то Марию Магдалину. Лобзал как бабу, а тот не противился, припадал на грудь без стеснения. И преподносят свету белому, как великое деяние. А вы говорите, псом называют... Да нешто под шилом кто думает?

– Тьфу! Срамота! – передернулся один из стариков, плюнув под ноги.

– Че, прямо так и лобзались? Как мужик с бабой? – заинтересовались впереди. – И прямо в постель брал?

– Так это у них в порядке вещей, – подтвердил балагур. – Святым лобзанием любви сие называют. Иуда, который властям его сдал, поцеловал Иисуса в уста, когда брали его. И когда сидел спаситель ихний у Симона с бандою, в упрек Симоне поставил, мол, не дал ты мне целования, слезами не оттер и маслом ноги не смазал. Сам-то он плотник, да видно руки не из того места выросли, на язык проворнее оказался.

– А чей же он? – из передних рядов вышел мужчина лет сорока, пропуская людей вперед и пристраиваясь к балагуру с повышенным интересом.

– Зачат Духом Святым, – усмехнулся балагур.

– Да как же, без мужа родить – самый порок и есть! – не поверил мужчина. – А при муже – дело богоугодное! Жинку не забавы ради берут!

– Ну, где ж это видано, чтобы мыслью или чертом дите зачиналось? – рассмеялся балагур. – Матушка его с сестрою жила у дяди при монастыре. Священники у них часто руки на людей налапали, закрывая в темницу – это у них вместо наказания было, а после отпускали. Не станет же первосвященник себя выставлять на посмешище. Придавили голову некому Иосифу, да и поставили в известность: мол, снизошел Дух Святый и оплодотворил. С пузом и просватали. Сынка, понятное дело, настоящий папаша учил уму-разуму, от него и настропалился чертями заведовать.

– И поверил? – не поверили впереди.

– А как же. Если черт ум замазал, куда деваться-то?

– Значит, был такой человек, который первым решил снести людям головы... И расплодились как зараза... Родом было завещано, что придут темные времена, когда станут уводить людей в плен страшные люди-нелюди.

– Ну а как без этого? Только он не первый, – продолжил объяснять балагур с ноткой грусти. – То там, то здесь поднимали голову разбойники, обращаясь за подаванием к народу через черта. И первосвященники снимали им головы. Того же Симона-Петра наложением рук закрыли в темницу. Темницу-то он понял, да только ума не стало – свои не признали. Как проткнули шилом, в люди не показывался.

– А как же раскрыли? – любопытствовали у балагура. – Спасителя ихнего?

– Ходил с ними Иуда. Ученый был, философ, счетовод, смотрел, смекал. А как понял, чем те четверо занимаются, доложил властям. И весь народ потребовал его казни, обнаружив кровь его на себе. Суд у них был справедливый, три стороны. Старейшины – мудрые люди от народа, первосвященники, которые знали закон, и римские начальствующие.

– А что же Иуда?

– Срама не перенес, – пожалел балагур. – За то, что помог раскрыть преступление, полагалось человеку прощение и награда. Его простили, но он казнил себя. Слишком много людей пострадало и по его вине.

– Дедушка, а что это за проклятие такое: шило? – спросил парнишка неподалеку от Кирилла, обратившись к старику.

Кирилл навостри ухо, в глубине чувствуя, что это важно, только пока не мог понять, почему.

– У тебя, сынок, душа есть, девица. В узелок вас духи завязали. Так Родом написано, чтобы за едину жену посягать. Ты – дух, она – душа твоя, а у нее наоборот: она – дух, а ты душа. Сызмальства она тебе дается. Крепость твоя или беда. Ударят тебя, она боль почувствует. Ее ударят, твое сердце кровью обольется. Шило – это когда по лицу бьют, по детородным органам стегают, несут всякий бред, чтобы душу проклятой по свету белому отпустить. А то мылом присушат – в любви объясняются, поглаживают да проповеди читают, чтобы в ноженьки их душа кланялась. Хоть шило на мыло, хоть мыло на шило – а все одно, смерть! А еще в ухо

нашепчут, чтобы мать с отцом не признавал, чтит Христа поганого и жертву перед Родом не ложил, не искал убийц и грамоту забыл – все, чему нас пращуры учили. И служить заставляют, чтобы не вздумал убежать. Презирал бы народ свои и выдал человека, который правду людям кажет.

– Только это и помнит человек, – усмехнулся молчаливый спутник впереди Кирилла. – А противиться начинаешь, боль выходит или сон одолевает. Тошнит людей от правды, тяжело им на нее смотреть.

– А ваша вера лучше? – не поверил Кирилл.

Оба старика тяжело вздохнули, переглянувшись.

– Наша вера – знание. Род – Прародитель всего сущего. Сварог – Дух, сознание Его. Перун и Велес – два царства... Перунык – Небо, громовержец. Велес – Земля, все, чем сыт человек. Стрибог – истина света ученья Перунова, которою человек видит и слышит, а знание, это – Дажьбогово, мира небесного, и учит оно как чистым стать перед Родом-батюшкой. И когда боги разжигают Огонь Семаргла – разум у тебя появляется, который видит правое и неправое.

– Ученье наше не простое, каждого Бога надо потрогать, понять, уметь подойти к нему да поздороваться... Даже Буря Яга Усоньша Виевна, жинка Велеса, дочь Кощея Бессмертного, Рода-батюшку радует, как Дива Додола. Тут она, вроде и камень, а живое дерево родит, зверя и птицу, когда слушает мудрого Велеса. Или вот, Макошь. У каждого человека судьба – прядет она нити от рождения до смерти. А Доля и Недоля узелки не глядя завязывают... Нити и узелки не простые – волшебные. Наложили на тебя шило, и судьбы у тебя нет, одни узлы Недоли. Или мыло. Вроде Доля, а все одно Недоля. А если клубок распутать да узелки развязать, может человек изменить судьбу. Или Марена, жена Кощея, царица она здесь – все умирает: и люди, и звери, и злые, и добрые, а в Небесном царстве – невеста Дажьбога, там смерть случается лишь по велению Рода.

– А гасят враги шилом да мылом в человеке огонь Семаргла, чтобы никогда народ не стал хозяином своей земли, чтобы жилось на земле хорошо только змеям да свистунам, завистникам да губителям, которые напозли нечистью со всех концов. Сохрани нас Сварог в годину темную! – помолился старик, сложив перед собой руки.

Идти стало тесно. Те, что спереди теперь тоже старались попасть в зону слышимости, сбившись плотнее. И подтянулись задние. Изможденные лица словно бы просыпались – кто-то чувствовал обиду, кто-то боль, кто-то интерес, а кто-то страх, поминутно оглядываясь, чтобы не прозевать всадника с плетью и мечом. Вербки уже не жали, пленники приободрились, выпрямились, подгоняя друг друга добрым словом. А стража словно не замечала, что вокруг стариков и балагура собрались толпою, растянувшись поперек дороги на восемь человек.

– Дык, про то и талдычим, все мы внуки Рода небесного, нам ли искать спасителей? – спросил высокий старик, воздев руки. Пальцы у него оказались на удивление длинные и не мозолистые. Кирилл невольно сравнил его ладони со своими. Он уже не сомневался, что рядом идут волхвы, которые могли заставить слушать себя даже взглядом. Последние слова старик сказал слишком громко, чтобы его услышали дальние, привлекая внимание охраны. Один из всадников что-то сказал другому и тот послал коня в галоп, догоняя старика, с силой размахнулся и на скаку ударил по голове дубинкой плетки, а после выкрикнул что-то, заставляя людей снова образовать строй.

Люди выстроились и пошли чуть быстрее, вытаскивая ноги из грязи, не глядя друг на друга. Старик охнул и схватился за веревку богатыря рядом, чтобы не упасть. Богатырь, с ненавистью взглянув на угнетателей, подхватил старика и понес на себе.

Кирилл только сейчас заметил, что вся спина старика была изрезана ударами. Кровавая рубаха прилипла к телу и закоростела.

Какое-то время шли молча, дожидаясь, когда всадники поотстанут или уйдут вперед. Но те не торопились, вызывающе посматривая на связанных людей свысока. Минут через двадцать их позвали. На другом конце образовалась пробка больше той, которую только что разогнали.

Наконец, старик застонал и глубоко вздохнул, откашливаясь и сплюнув кровавой слюной, и пошел сам, опираясь на руку рядом идущего богатыря. Тот не отпускал его, обхватив рукой со спины.

– Это наши гады безродные! – зло скрипнул зубами человек впереди. – Ишь, выслуживаются! Маши плеткой, и не надо шибко умным становиться! Показал волхва нашего, и вот уже барин или помещик. Землю им за это дают. А обезглавленных до нитки обирают да в крепостные загоняют и дань накладывают. А кто оружие поднять может, убивают, не милую. Одни вдовы да сироты на Руси-матушке остались.

Ему не ответили, и молчание продолжалось еще долго.

– До Итили доведут, дальше на корабле повезут, оттуда уже не вернуться, – наконец, тяжело бросил кто-то.

– Надо по-новому, Волгой нынче Итиль кличут, – подал старик голос. – Недалеко до нее осталось, но и не близко.

Услышав голос старика, люди вздохнули с облегчением, снова сплотившись рядами поближе, будто хотели его защитить.

Воспользовавшись минутой, Кирилл всеми силами пытался понять, как он здесь оказался и что его ждет. Неминуемая судьба, которая ясно вырисовалась из всего того, что он знал, заставляла сердце сжиматься от ужаса. И все, что он знал и к чему относился с легкостью за давностью лет, вдруг выдавило ту беспечную реальность, которая когда-то казалась ему незыблемой.

Над рядами пронесся звук рога. То, что это сигнал, Кирилл понял сразу же, как только на звук повернулись все головы. Люди остановились, дожидаясь команды. Проскакал отряд, сгоняя пленников на обочину.

Рассаживались на пожухлой траве.

Охранники тоже спешили, разожгли костер, отваривая солонину, пустив коней пастись. Один из них принес ведро с размоченным ржаным хлебом и мукой, черпая кружкой и подавая по очереди, заодно проверяя крепость веревки на руках и кому-то затягивая ее ту же. Люди жадно выпивали мешанку, завистливо глядя на тех, которым еще предстояло попить и одновременно поесть. Удивляясь сам себе, Кирилл принял кружку и с жадностью выпил воду, внезапно ощутив голод, от которого свело живот. Мешанка была пустая, клейкая и противная на вкус, но он заставил себя выпить кружку до конца. Он не сомневался, что однажды вырвется на волю, а для этого ему предстояло выжить.

Как только охранники отошли, замешивая новое пойло и разливая дальше, те, которые были во время хода далеко, придвинулись. Теперь балагура и стариков окружили плотным кольцом.

Наверное, так было теплее.

– Ты там что-то про Иисуса сказывал... – напомнили ему.

– Се есть Спаситель, который начал сеять семя человеческое, называя его «Духом Святым». А сеяние – «крещение огнем»! – отмахнулся он, упав на траву.

Глаза у него были светлые, голубые, в них отразилось серое небо в разрывах. Ветер сделал свое дело, образовав в сплошной нависающей массе промозглой хляби просветы.

– Так это ж черт! – приникнув ухом, изумился народ, до которого крамола доходила через посредников.

Грязные, оборванные, изможденные, промокшие насквозь люди передавали друг другу теплые вещи и, наверное, искали утешения, и давали его сами, стараясь не показывать упадок духа и сил.

– А мы про что? – обрадовались оба старика народному интересу, посматривая на балагура.

– А у них по закону было положено приколоть шилом ухо к косяку, если болеть понравилось.

Его толкнули, и он торопливо сел. Те всадники, что поели, поменяли тех, что раздавали еду. Удивляя и Кирилла, и стариков, они вдруг начали сами сгонять народ в кучу. Их цель стала понятной лишь спустя какое-то время. Охрана разделилась, часть всадников ушла в ту сторону, где была застава, а часть осталась сторожить, патрулируя на некотором расстоянии, чтобы видеть всех и сразу.

– За подмогой или жратва закончилась, – кивнул богатырь, с которым и на привале Кирилл оказался рядом. Тот позволил ему привалиться к себе, согревая боком. Кто-то даже сунул озябшие руки богатырю в подмышки.

– Вроде, какой бы раб не мечтал о свободе, ан нет, не мечтают! – пожалел балагур. – Живота не жалея, суют головы под ворога – и свою, и жены с детьми. А за ухом-то душа! Не человека, душу его убивают, а без души человек животное и есть. Вол, которм землю пашут.

Стариков и балагура слушали с интересом. Кто-то дремал, воспользовавшись привалом. Пленение свое люди воспринимали без особого трагизма. Или надеялись на лучшее, или привыкли к таким явлениям, или наоборот, не привыкли показывать чувства. Но с виду все были добрые и приветливые.

Отряд вернулся с подмогой. На седлах некоторых были перекинуты мешки. Людей подняли, выстроили и погнали вперед. Слово бы жалея их, в разорванной ветром мороси выглянуло холодное солнце, сделав просветы еще шире, осветив некошенные грязно-желтые луга с невысокой травой, опушки багряно-бурого леса. Как чудо, как ласковая поддержка родимой земли, с которой многие уводимые в полон прощались навсегда, в небо поднялась птица и прокричала горестно, развернулась и улетала назад.

Но так стало еще хуже. Солнце чуть согрело воздух, который сразу стал сырм. Легкий ветерок продирает влажностью насквозь. Было так тихо, словно природа вымерла. Только чавканье жижи под ногами, да выкрики охранников. И топот копыт, который предупреждал, что враг за спиной.

Шли больше половины дня, а на пути не попалось ни одного живого селения, только выгоревшие холмики пожарищ за лето поросшие редкой сорной травой, да печи, сложенные из обожженной глины и камня.

– Дедушка, а почему люди не гонят их? – спросил Кирилл, стараясь сдержать слезы. Боль в ногах и натертых веревками запястьях казалась невыносимой, но люди терпели – и он терпел. Наверное, многим было еще привычно ходить босиком в эту пору, а его ноги кровоточили, изрезанные острыми камнями и тонкими льдинками. Веревка мешала идти, но лямка, к которой были снова привязаны руки, ослабла настолько, что при усилии он мог бы вытащить ладонь.

Он едва пошевелил окоченевшими руками, обрадовавшись, когда сзади ему передали зипун, заботливо надетый на плечи стариком и богатырем, который снова шагал рядом, прикрывая от плетей. Охранники проявляли повышенный интерес к обоим старикам, которые показались Кириллу грамотными, как балагур. Он уже не сомневался, что она ведут какую-то игру, заодно с балагуром. Не было в их глазах ни страха, ни обреченности, а только хитрость и пытливая любознательность, с которой изучали каждого человека.

– Охраны всего сто человек, нас же четверо больше, я посчитал. Трое на одного! У них ни пулеметов, ни автоматов, стрелы только и мечи. Если за ноги хватать, можно стянуть с лошади, – предложил он. – Я веревку перегрызу, – он с надеждой посмотрел на старика через плечо, показывая веревку, которую почти развязал. – И вам освобожу руки.

Заметив его движение, юноша без языка, который шел по правую от него сторону, торопливо закрыл веревку от взгляда посторонних, что-то сердито промычав и сделав пальцами знак богатырю по левую от Кирилла сторону. Тот поправил веревку, не завязывая, накрутив на руку.

– Умереть всегда успеем... – пробормотал богатырь, показав старикам на пальцах то же самое, что показал немой.

– Ты, хлопчик, в глаза людям посмотри! – усмехнулся старик. – Нас, мудрых, мало... Но много! Не знаешь ты, через что прошли они. Били их, ох как били! Разбудить надобно, да так, чтобы сия наука на пользу встала. А то побороть-то поборем, а на завтра снова на этой дороге окажутся. Полон им надобно всем сердцем почувствовать. Боятся они его должны больше, чем черта.

Кирилл оглянулся. Пожалуй, вокруг уже проснулись, и впереди и позади сплотились. Но там, куда не долетали обрывки разговора, были. Людьями владело отчаяние. Они словно бы они не осознавали, что с ними происходит, или уже не верили в спасение, принимая судьбу, как должное.

– Забыли люди Бога, все на волхвов, да на князей надеялись, а что они сделают, если человек сам лежит, как колода, и не повернуть его, не сдвинуть с места? – тяжело вздохнул богатырь, тоже оглянувшись. – Пугают волхвами детей малых, вдалбливают страх и ненависть, падучей болеть начали, предаем друг друга, войной друг на друга идем... Разучились снимать с себя тьму, не умеют, а Бог ленивых не милует. Все, как предупреждали нас деда и прадеды. Наказывает Род, что забыли Его, Сурью пить не хотели. Помяни мое слово, птицы железные глаза людям выключают, кони железные землю потопчут, кровью людской земля переполнится от правления Зверя, который дан нам за непрочность нашу, за отречение от заступника нашего.

– Сохрани нас, Сварог Небесный! – помолились впереди.

– А как с шилом-то? От резкой перемены климата люди болеют, а тут душу с мясом вырвали! – заступился за людей старик, упрекнув богатыря. – Ни к Богу, ни к себе не оставляет оно любви. Что-то помнит человек, а ума в памяти нет. Не так просто из темницы выйти. И волхвы, бывает, спотыкаются! Здесь только труд да терпение, а их человеку всегда будет не хватать.

– А куда нас ведут? – поинтересовался Кирилл.

– В полон. Похоже, в Орду. Раньше она была Хазарским каганатом, а столицу называли, как реку, Итиль. Или в Константинополь. А уж там по всему свету распродают: грекам, римлянам, евреям, арабам, германцам и этим... кривоногим. Да не дойдут многие, забьют плетьюми и за борт, рыбам на прокорм. Тут свои пока, а там своих не будет. А девкам и вовсе не позаидуешь, кочевники до девиц наших охочи, – он кивнул вперед. – Насильников нынче много развелось. Раньше-то торговали мы с этими народами: коней, мед, мех, древесину, зерно и лен, а теперь сами вместо товара...

– А дома еще горше судьбинушка: ни земли, ни воли не осталось, – заговорил богатырь, который шел рядом со стариками. – Уж не понять, кто правит, то ли Ярославичи, или Всеволодовичи... Орда князя выбирает, Орда им в помощь, за то и расплачиваются нами, народом. Поначалу выбирали девиц пригожих, да мужчин сильных, кто к работе пригоден, но больше убивали, а теперь уж некого. Народа-то, почитай, не осталось, чужеземцы одни. Под шилом здоровые не рождаются, а людьями торговать выгодно, и собирают всех подряд: и калек, и малых, и старых, и убогих. Кого схватили, того и погнажи.

– А вы? – удивился Кирилл. – Почему же вы сразу не сопротивлялись, пока можно было?

– Я человек, и оне вроде люди. Поселился рядом, не бросается на людей, речами масла масляней, – горько усмехнулся богатырь. – Что же, изувер я, чтобы головы рубить ни про что? Тайно над костями нашими молятся. Нет, чужих-то, конечно, мы побивали, и не раз, – оправдался второй богатырь. – А со своим народом, это только оне воевать умеют. И вроде

побили, но года не прошло, а оне снова наплодились и расплзлись. И опять брат на брата, дети на родителей.

Кирилл сумрачно промолчал. Сам он ни в Бога, ни в черта не верил – с такими мыслями можно в школу не ходить. Странная и страшная бессмысленная война вызывала у него удивление. Историю он знал не так хорошо, как сейчас хотелось, но помнил, что старых богов сами люди разбили в щепы и пустили вниз по реке, проводив до самых порогов, где они исчезли в глубине вод.

Выходит, была Варфоломеевская ночь, и длилась она не день, и не два.

Тысяча лет прошла, а люди не изменились, все так же мечтая покорять народы и устанавливать мировое господство, чтобы иметь золото, на котором мог бы и есть, и пить, и носить на себе, не утруждаясь. И он к этому привык. Трудно представить, как это, когда нет ни ненависти, ни зависти, ни подлости, ни желания запустить руки в огород соседа. И все так же в каждом человеке оставалось что-то хорошее. Вот идет толпа пленников: помогают друг другу, поднимают соседа, если упал, закрывают от плети – и тихо ненавидят своих мучителей. И те, которые ведут их, забывая насмерть, тоже помогают друг другу, делят пищу, о чем-то весело болтая между собой, и подсчитывают барыши...

– А ты сам-то чых будешь? Больно на наших не похож. И речь чудная, и вопросы задаешь, будто из леса вышел, – поинтересовался новенький парнишка, поставленный впереди Кирилла после привала. – Руки у тебя холеные, ноги нежные. Вроде как из князей, а грамоте не обучен. Простой истины не ведаешь. Читать, княженька, не учили? Клубки разматывать, перунички пускать?

– Нет, я из будущего... – признался Кирилл. – У нас по-другому все, мы хорошо живем.

– И не убивают, не воруют, не калечат? Ни дури, ни срамоты? —прикинул ухом, балагур и старики как будто и не удивились. – И что нам будет за отречение от Рода?

– Да, но... – Кирилл растерялся, вспоминая историю.

– Скоро рабство закончится? – прищурился мужчина сбоку.

– Нет, – покраснел Кирилл еще больше. – Мы восемьсот лет будем крепостными.

– И вешать будут, и в масле поджаривать, и кожу живьем снимать, и плетьюми до смерти сечь? – полюбопытствовали у него.

– Будут, – сник он. – А потом произойдет революция, и очень много погибнет народа. Потом война... – сказать что-то хорошее Кириллу оказалось нечего. Да, через тысячу лет будут телевизоры, автомобили и самолеты, дома начнут строить из бетона, в космос поднялись, но, если бы этому народу, способному, ищущему знания и правду, не мешали, не убивали не истязали, не заставляли кланяться, кланяться, кланяться, кто знает, какие высоты освоил бы. Не цари поднимали промышленность и науку, сам народ поднимался, скорее, вопреки тем, кто заставлял его верить в сказки, убивая любое инакомыслие и свободолюбие. Люди, которые шли рядом, знали, что земля круглая, что вселенная круглая, сравнивая со сварожьим кругом.

– Все будет: и голод, и войны, и рабство, и убивать и красть не перестанут. И в спасителя будем верить, и в пророков, и в мудрецов, и богам ваших будут искать знания, потому что хорошие люди будут всегда, – вспомнил он тетю Веру и свою мать, которая всю жизнь спасала людей.

– Потому что в одиночку не выжить? – усмехнулся балагур.

Начинался вековечный сумрачный лес. Сразу запахло хвоей и грибами. Ступать по опавшей листве стало мягко, камни не втыкались в ободранные ступни. Зипун пришлось отдать, но ветра здесь не было, и неожиданно Кирилл согрелся. Охранники теперь ехали по двое, усмиряя встревоженных лошадей, с опаской вглядываясь в кусты и деревья. Поначалу и Кириллу лес показался жутковатым, но его спутники вдруг как-то приободрились и повеселели, о чем-то перешептываясь и показывая дальним непонятные знаки.

Потом вдруг разом замолчали, когда небольшой отряд из охраны рассыпался по лесу. Тишину нарушал только хлюпающий звук под ногами, которые вязли в глине и подкатывались.

– Пожить еще немного, а там и умереть не жалко! – тяжело вздохнул плененный богатырь, и в руке его, словно по волшебству, появился остро отточенный металлический стержень.

Богатырь исподлобья глянул на охрану, перемигнувшись с одним из тех, кто шел впереди. Тот негромко свистнул – и свист передали по рядам, но незаметно, больше толкали друг друга в спину.

– Все это нам и волхвы предсказывали, – усмехнулся богатырь, когда веревка в одно мгновение была перерезана немим, а у него парнишки богатырем. – Хорошо, это когда я вернусь с сыном с поля своего, мимо мельницы, и не пешим, а на возе сена для коровы, а у ограды жена с дитем встречает с крынкой кваса холодного или молока поверху с хрустящей горбушкой хлеба, еще теплого, – помечтал он, передавая заточку впереди идущим. – А на заборе полотно белое льняное, на новый сарафан... И поведет она меня к колодцу, и полет на руки, чтобы умыться. А дом у меня теплый, большой, чтобы и батюшке с матушкой не тесно, и сынке с жинкой. А на масленицу блины со сметаной и пироги... с черемухой, с рябиной, с малиной и морошкой, медовуха сладкая, – богатырь взглянул на Кирилла со смехом. – А у соседей все тоже ладно да складно.

– Нет, так не будет, – обрадовался Кирилл, сообразив, что люди готовятся к побегу. Теперь и его руки были свободные, а сам он внезапно почувствовал безудержную радость. – Вернее, будет, но не у всех. А за Уралом, за горами, крепостного права не было, – подсказал он. – И под монголо-татарами были недолго. Там, где тайга!

– Берегись! – крикнули ему сзади.

Прямо за спиной, заметив, что старик поднимает руки, охранник размахнулся для удара. Но старика, на которого Кирилл и не подумал бы, встал впереди него, встречая неприятеля. Охранник замер без движения, а конь его вдруг резко остановился и, как будто не замечая седока, тихонько побрел рядом со стариками, по-человечески раздувая ноздри и фыркая, словно был чем-то недоволен и жаловался, а после взбрыкнул, и седок упал, оставшись лежать на земле в том положении, в каком он сидел.

Из спины его торчала стрела...

Никто не обращал на упавшего охранника внимания, проходили мимо, снимая веревки и нарушая строй. Кирилл сообразил, что пришло освобождение. Передавая острые лезвия друг другу, спрятанные то в волосах за ухом, то вшитые в подол, люди группами уходили в лес. А охранники падали и падали, пораженные уже мечами, взятыми у убитых. Во многих местах завязалась недолгая кровавая сеча.

– Вы... Вы? – остановился Кирилл, пытаясь рассмотреть, что происходит за деревьями.

– Да нешто святому человеку Господь попустит погибнуть от лап зверей? Все они под Богом ходят. Мы про Византию наслышаны, нам туда не шибко охота! – рассмеялись оба старика. – Знаем теперь, куда идти. Людей мы искали.

– Нашли? – с надеждой спросил Кирилл.

Старик уже сидел на коне. Он посмотрел на Кирилла и кивнул головой, как бы в знак согласия.

– Что Род задумал, люди могут изменить, – похлопал он на место позади себя, подзывая его.

Кирилла закинули за стариковскую спину, и он ухватил его крепко за талию.

– Дает он им выбор, а это уж человеку решать, на чьей он стороне, – бросил старик через плечо. – Ты брата прости... Спасать его надо, с шилом души нет, умрет от людской злобы, а КНИГУ найдешь, БЕРЕГИ!!! – где-то снова под ухом прозвучал уже знакомый старушечий голос.

Старик взмахнул мечом и тронул ладонью загривок коня. Конь сорвался с места. Люди бежали в лес, раздевая по дороге охранников догола, и одевались на ходу в теплую одежду. Сознание Кирилла какое-то время словно бы несло вместе с этим стариком на коне по лесу и ветви хлестали его по лицу...

– Какую книгу? – хотел спросить он, но старик был уже далеко – тьма выдавливала его из бытия.

Глава 2

Кирилл проснулся, и еще секунду чувствовал, как мелькает перед глазами рябь багряной листвы. От застрявших в памяти образах в душе остался осадок.

«Сон в руку!» – мысль была неожиданной, но ясной.

За последние несколько дней Кирилл много, о чем передумал...

С братом Александром, который заменил Кириллу отца, действительно что-то происходило. Он помнил его другим: веселым, подтянутым, остроумным, талантливым. Когда Александр поступил в институт, как отец, собираясь стать строителем, Кирилл решил, что сделает все, чтобы стать похожим на брата. Брата поддерживали не только дома. На фирме отца остались друзья, которые ждали, что Александр продолжит начатое отцом дело в качестве крепкого хозяина.

Но не далее, как год назад, Александр познакомился с Ириной Штерн, влюбившись с первого взгляда. Встретил ее на остановке. Сначала почувствовал запах, потом увидел ее саму и понял, что без нее не жить.

Мать поначалу Александра поддерживала, не вмешиваясь в их отношения, проникшись к Ирине светлыми чувствами. У Александра и раньше были девушки, которых он приводил домой, и когда Ирина отказалась остаться, мать выделила ее, как самую приличную из всех. Кроме того, матери льстило, что Ирина училась в медицинском институте. Сама она, хирург высшей квалификации, не сомневалась, что сумеет убедить ее пойти по ее стопам.

И обрадовался Кирилл. Все же, новая девушка брата училась на психолога и сразу разобралась в его отношениях с одноклассниками. Кирилл уже давно болезненно переживал по поводу скованности в присутствии девчонок. Многие его друзья еще в восьмом классе обзавелись парой, а в девятом хвалились победами, о которых он пока мог только мечтать. В свои шестнадцать он даже ни разу ни с кем не целовался. Поговорить об этом с матерью так откровенно, как с Ириной, не получалось.

Но вскоре Александра словно подменили...

Теперь все его мысли были заняты новой девушкой. Он перестал замечать и Кирилла, и мать, и друзей. Необычное поведение, когда он вдруг стал похож на тряпку, вызывало удивление. Он не мог ни спать, ни есть, ни говорить о чем-то другом, болезненно умирая в ее отсутствие. Когда же они были вместе, наоборот, вел себя не менее странно: глупо улыбался, смотрел на нее щенячьим взглядом, хвастался, выдумывая про себя неприглядные дурацкие бандитские истории, а если ему казалось, что с Ириной обошлись несправедливо, становился агрессивным.

Но продолжалось это недолго...

Когда стало ясно, что с Александром что-то происходит, мать попыталась с ним поговорить. И тут же пожалела об этом – разговор закончился скандалом.

Кирилл впервые в своей жизни испугался по-настоящему. Сашка, который до этого не обидел бы и мухи, с глухой яростью набросился на мать с кулаками, обвинив, что это из-за нее у него с Ириной не заладились отношения. После того случая Ирина предпочитала встречаться с Александром где-то в кафе или на дискотеке, а если приходила, разговаривала через зубы – и вымещала злобу через того же Александра, настраивая его против матери. После каждого брошенного упрека, Александр доводил мать до слез, а синяки на ее теле стали обычным явлением.

Кирилл пытался остановить брата, вставая у него на пути, но Александр сметал его взмахом руки, за шиворот забрасывая в другую комнату и закрывая на ключ. Доставалась даже тете Вере – маминой сестре, которая поначалу пыталась с Александром воевать.

События нарастали стремительно...

Вскоре Александр бросил учебу. Скорее, его отчислили... Он уже не мог сидеть за книгами, нервничал, мерил комнату шагами, иногда включал музыку на полную громкость, так что сотрясались стены, а если Ирина не отвечала на звонки, сходил с ума. А Ирина в такие минуты вела с ним себя еще холоднее, чем обычно. В конце концов, брат начал пить, пропадал из дома на двое и трое суток. И не прошло трех месяцев, как вдруг оказалось, что у Александра крупные долги. Строительная фирма, которую оставил в наследство отец, перешла в чужие руки. Инструмент растащили, офис, базу и транспорт забрали судебные приставы. На фирму от заказчиков перечислялись авансы на строительные материалы, но деньги пропали, и когда и кем они были сняты со счета, Александр ответить не смог, но экспертиза доказала, что деньги снимались даже не с банковских карт, а были выданы по чекам, которые он подписывал лично.

Вину брат так и не признал, отрицая участие в краже, считая, что все это было подстроено, но доказать ничего не смог. Он даже не смог вспомнить, где находился в это время. Так что, когда встал вопрос о продаже фирмы, продавать было нечего, разве что название.

Новость была настолько неожиданной, что до последней минуты, пока приставы не пришли описывать имущество, ни мать, ни Кирилл не могли поверить, что все это происходит с ними. Забрали мебель, забрали бытовую технику, компьютер. Остался только ноутбук, который Кирилл успел спрятать.

А еще месяц спустя вдруг выяснилось, что Александр заболел игровыми автоматами.

Компьютер в их доме был с тех пор, как Кирилл себя помнил. И никогда Александр не увлекался играми, в отличие от Кирилла, который мог просиживать за новой игрой часами.

После похорон отца, для матери это был еще один удар. Астма внезапно перешла в тяжелую острую форму, которая осложнялась инфарктом. Ей, проработавшей половину жизни заведующей хирургическим отделением областной больницы, выйти с синяками на улицу, где ее знал каждый второй, казалось невыносимо. Она перестала выходить из дому, пряталась от знакомых, отключая телефон. И все больше проводила время в постели, так и не сумев смириться с инвалидностью.

Кирилл и тетя Вера дежурили по очереди, боясь оставить ее одну. Дорогие лекарства не помогали, с каждым днем мать угасала, а Кирилл ничего не мог поделать и в ужасе ждал момента, когда останется один. Он уже не сомневался, что Александр выставит его из дома, как только станет полноправным хозяином квартиры, в то время как брат метался по квартире, выворачивая и вытряхивая содержимое ящиков, шкапулок, белья, обыскивая все места, где мать могла прятать пенсию, и когда находил копеечные суммы, внезапно успокаивался и исчезал. Продукты и лекарства теперь, собирая чеки, чтобы доказать, что пенсия матери потрачена, закупала тетя Вера, а иногда подкидывала Александру ровно столько, чтобы избавиться себя от скандала и спровадить его из квартиры.

К брату начали приходиться новые знакомые. Из старых друзей уже давно никого не осталось. Разговоры брата с новыми знакомыми были не те, что прежде, когда обсуждали книги, фильмы и о чем-то мечтали. С новыми знакомыми брат проводил время за бутылкой водки или литрами пива, а содержание разговоров с нецензурной бранью сводилось к воровским авторитетам, которые кому-то пожали руку или что-то сказали. Продукты, закупленные на месяц, съедались за пару дней, в доме стало грязно и неудобно. И мать внезапно изменила тактику. Она врала, что кашель ее вызван открытой формой туберкулеза, напоминала об опасности заражения и о летальных исходах, вызванных этим заболеванием, чтобы хоть как-то отвести непрошенных гостей, но это мало помогало.

В последнее время Кирилл ненавидел Александра, испытывая лишь презрение. Брат превратил их жизнь в ад, разрушил все его мечты. Надежда, что что все еще наладится, таяли, как дым, понимая, что жизнь его катится в яму.

А брату и правда становилось только хуже. Нес какую-то чушь о больших людях, которые вот-вот дадут ему работу, помогут встать на ноги. Кричал на мать, оскорблял отца, обви-

няя, что тот держал фирму исключительно на связях с людьми, которых называл друзьями, и которые, после его смерти, не захотели его поддержать, а если мать пыталась напомнить, что заказы у него были, и то, что он обокрал их, полностью его вина – он снова становился зверем, не замечая, что мать умирает.

И вот три дня назад, Александр потребовал продать квартиру, сообщив, что взамен риэлтерская фирма подобрала дом в пригороде, в котором матери, с ее астмой, несомненно станет лучше. Мать ужаснулась, но после разговора с новыми знакомыми сына махнула рукой. Они подтвердили, что долг у Александра слишком велик, чтобы его оставили в покое. Только подозвала Кирилла, прижала к себе и долго смотрела в пространство перед собой, поглаживая его по голове, а потом горячо прошептала в ухо:

– Ты не расстраивайся, может все обойдется, лишь бы гадов этих не было рядом... Авось, Сашка одумается. У меня книжка спрятана, там деньги есть, на черный день копила... Ты только, Кир, не бросай меня... Я умру, но мне так страшно! – призналась она, крепко сжимая его ладонь. – Потерпи, сыночка, недолго осталось. Верка тебя не бросит, будешь с ней жить. Своих-то детей у нее нет, ты ей вместо сына.

– Мам, ну что ты такое говоришь? – Кирилл расплакался, чувствуя свою беспомощность. – Лучше бы ты их Сашке отдала... Пусть бы закрыл долги.

– Нет, Кирюш, они на нашу квартиру нацелились. Четырехкомнатная, в центре города... Не отстанут, пока не получат. А про деньги Сашка не знает. Книжка у тети Веры спрятана. Деньги еще от отца остались, мы с папой на образование для вас откладывали, на нашу с ним серебряную свадьбу... Там счет в долларах, не обесцениться. Завещание я на тебя написала, опекуном тетю Веру назначила. Если умру, сразу к ней иди... – мать закашлялась.

– Мам, ты чего? – подавал пульверизатор с лекарством, Кирилл почувствовал, как дрожит рука. – Ты даже не думай! Сашка нам с тетей Верой горло перережет, если узнает. Мам... – слезы покатались из глаз, обжигая щеки. Он заревел, как маленький, уткнувшись в мамины колени.

– Сашка у нас наркоман что ли... Не знаю... – она отдышалась. – Ты береги себя, ты один у меня остался. Мы, конечно, его полечим. Авось, поможет. Может, наладится еще, бог с нею, с квартирой...

Кирилл лежал, вспоминая последние события, и думал о том, что ждет его впереди. Предстоял переезд. Его история была не единственной. Год назад, вся школа обсуждала случай с одноклассницей. Ее с сестрой и матерью выгнал отец. Жили они на улице, ночуя, где придется. А однажды она оставалась ночевать в школе и об этом узнали. Завуч сделала ей выговор на общей школьной линейке. Лелька после этого перестала ходить в школу, и где она сейчас, никто не знал. Случаев таких было много, люди вдруг становились бездомными, и не могли объяснить, как это произошло. Кирилл понимал, что помочь им с матерью некому, точно так же, как не помогли остальным. Ему еще повезло, у него оставалась тетя Вера, которая души в нем не чаяла.

Кирилл сжал зубы так, что боль отдалась в десну. Он обязательно выберется из этого дерьма. Но что же произошло с Александром? И как ему поможет, если он не слышит, не видит – и ненавидит их, обвиняя во всем, что с ним происходит.

И снова Кирилл вспомнил сон...

Может, действительно загипнотизировали, закодировали? Отчего он вдруг стал таким? Он отчетливо вспомнил слова старика: «шило наложили». Почему же он не расспросил? Он слушал себя, но голова пухла от тяжелых мыслей и грустных размышлений о себе и о матери. Он лежал, вспоминая парнишку с ясными чистыми глазами, старого человека, который исподволь, на пару с грамотным балагуром смущал народ речами, и богатыря, который нес его на себе, чтобы он не упал.

Какое шило? Как, если брат до встречи Ирины на остановке никогда ее не видел?
Или встречался?

Смутные сомнения и подозрения, что брата используют, переросли в уверенность. От прежнего Александра не осталось ничего.

В дверь постучали.

– Вставай. Надо поесть. Сейчас машина придет с грузчиками. Квартира уже не наша, новые хозяева торопят с переездом. Я поесть приготовил...

Александр, на удивление, был трезв.

– Отстань! – мрачно бросил Кирилл, внезапно почувствовав обжигающую ярость.

Брат услышал. Прошел в комнату, сел на кровать.

– Кирюш, ну не знаю я, как это получилось! – он то ли смеялся, то ли оправдывался, то ли искал утешения, но раскаяния в голосе брата Кирилл не услышал. Бросил взгляд в его сторону, полный ненависти, но тот лишь пожал плечами и улыбнулся. – Дом, говорят, хороший. Бабушка Ирины там жила. Умерла она два года назад. Это ж не край света, просто пригород. Многие уезжают, вон столько вокруг коттеджей! Матери давно пора из города уехать... – Александр явно повторял чьи-то слова. – И потом, у нас немного денег осталось, еще машина есть... Я заработаю, вот увидишь. Сколочу бригаду... Я ведь могу и автомехаником.

– Нам не коттедж предложили, а деревянный дом с удобствами на улице, – зло усмехнулся Кирилл. – Ты себя-то не обманывай! Ты его видел? Кто будет здесь жить? Ирка твоя? Чмо ты!

Новость, что здесь будут жить Ирина, была как удар ножа в сердце. Кирилл не сомневался, что так она решила жилищный вопрос, придумав для Александра сказочку и наобещав ему всего в три короба. Квартиру они тут же продадут или обменяют. Квартиры, полученные с помощью обмана, себе не оставляли. Слава богу, Александру тоже будет негде жить, позлорадствовал Кирилл, тетя Вера его на порог не пустит – в этом она поклялась и матери, и ему. Александр выгнал ее, запретив приходить даже к матери, и она теперь приходила, только когда его не было дома. Она, в свою очередь, запретила ему приближаться к своему дому.

Александр промолчал, бросив в его сторону взгляд.

Кирилл кожей почувствовал, словно бы другой человек смотрел из глаз брата. Он вдруг зачем-то сравнил его глаза: правый глаз был злым, левый – жалким и почти безжизненным. И насторожился, ожидая худшего, когда Александр напрягся, нервно сжимая кулаки. Брат пошел в отца: спортивного телосложения, крупный и сильный, со здоровыми кулачищами. Отец с детства водил его в спортивную секцию, а порой и сам занимался с ним и борьбой, и боксом.

– Ну, вообще-то мы пожениться хотели, так что как бы квартира у нас остается... – с досадой пожал он плечами, стерпев оскорбление. – Вроде, как и не продаем... Квартиру купил Родион – дядя ее. Обещал после свадьбы на Иришку переписать. Он мне помочь хочет. Поверь, когда Иришка будет рядом, все измениться. Но жить с вами она не согласна.

– Значит, Ирка твоя от нас избавляется? – Кирилл встал, обернулся к брату, раздраженно сплюнул на пол уже чужой квартиры. – Думаешь, не передумает со свадьбой? Надеешься, что тебя пожить к себе пустят? Ты посмотри вокруг, ты же все спустил, голые стены остались. Кому ты такой нужен?

Теперь он точно знал, где искать Бога – в предчувствиях! Он давал ему знания о будущем, и почти никогда не обманывая. Иногда он за несколько дней знал, что произойдет вскоре, и сейчас ясно представил в своей комнате чужих людей, которые расставят мебель, повесят на окно новые шторы. И уже не сомневался: зло всегда побеждает, как бы не доказывали обратное: квартиры нет, брат стал чужим, мать...

Вспомнив о матери, Кирилл почувствовал себя еще хуже. Он словно проваливался в какой-то колодец, у которого не была дна.

– Деньги-то они отдали, – Александр, похоже, чувствовал себя уже хозяином, плевком задел его за живое, он тоже вскочил с кровати и сжал кулаки. – Ты бы спасибо сказал! – упрекнул он. – Квартира у нас, долгов, которые от отца остались, больше нет...

– Готов зад им лизать? – с ненавистью процедил Кирилл, отступая. – Развели тебя, как... как там твои дружки говорят, лоха? А ты купился! И не папа растратил деньги, а ты! В банке сказали, что ты деньги со счета снял! Спасибо, что не убил, чтобы выставить нас!

Взбешенный Александр застыл перед Кириллом, прищурился глазами. На всякий случай, Кирилл закрылся локтями, ожидая удара. До Сашки ему было далеко, но если ударит, он будет драться!

– Ты хоть название деревни спросил? – глянул исподлобья.

– Конечно. Что я, совсем дурак? – вдруг одумался Александр, внезапно меняясь в лице и в поведении. – В Черемушках. Это же не далеко, пятнадцать километров! Вот договор и план есть... Видишь, дом большой, – Александр протянул Кириллу бумаги: свидетельство на дом, договор купли-продажи и технический паспорт домовладения. – И земли много, почти полгектара, а дом на маму записан, так что вам не о чем беспокоиться, – Александр уткнулся в документы.

– Ты сам там был? – Кирилл с подозрением покосился на бумаги, внезапно почувствовав подвох.

– Да... То есть, нет, но... Мы мимо проезжали. Дом пустой, на замке, не стали дверь ломать, она железная, и решетки на окнах. Кирюш, ну, пойми, выбора у нас не было. Остальные – цена та же, а какие-то маленькие и участки небольшие. Можно потом, не торопясь, продать землю и купить квартиру в городе, – спокойно сказал он, складывая документы в папку и протягивая Кириллу. – Никто в город не рвется, все больше коттеджи строят. Так что, обошлось нам это дешево, я считаю. На вот, держи!

В голосе его Кирилл уловил такую уверенность, какая была до встречи с Ириной, словно тот человек, которого он когда-то знал, выглянул наружу.

– Не забывай, по цене четырехкомнатной квартиры, а удобств там нет!

– Ну и что? Половину-то пришлось отдать! Мне, чтобы купить этот дом, пришлось еще папин джип обменять.

Кирилл вдруг понял, что Александр в чем-то прав. Земля в Черемушках стоила очень дорого. Переезд перестал казаться ему смертельным. Он сможет видаться с друзьями, и даже школу бросать не придется, только придется ездить на автобусе каждый день. Но некоторые ребята из класса и дальше жили. Разговаривать с братом о чем-то еще не хотелось – он вышел на кухню.

Кусок в горло не лез, Кирилл подошел к окну, прощаясь с двором.

Ярко по-весеннему светило солнце, весело щебетали воробьи, купаясь в луже. На улице снег почти сошел. Соседка гуляла с собакой, таская ее за собой на поводке, а собака упиралась, пытаясь освободиться. Кирилл всегда мечтал о собаке, но мать болела, и заводить животных ему запретили строго настрого.

И вот ничего этого нет – двор стал чужим...

А потом под окном раздался сигнал, в квартиру поднялись люди и стали выносить вещи, загружая их в кузов грузовика.

Ехали долго. Изредка мелькали деревушки, ютившиеся вдоль дороги. В крытом наполовину кузове было неудобно и холодно, но в кабине сидели водитель и два грузчика. Александр остался в городе. Сказал, что приедет на своей машине, как только заберет ее из автосервиса.

Пока грузили вещи, Ирина стояла во дворе, объясняя водителю, как добраться до места. Видеть ее было тошно, но и Кирилл, и мать промолчали. Грузчики оказались неразговорчивые

и сумрачные, словно пришли похоронить их. Смягчился только один из них, когда мать стала рассказывать про себя и вдруг узнала одного, которому вырезала аппендицит. Память на лица у нее была феноменальная, она помнила всех своих пациентов и истории их болезни, и внезапно замолчала, когда тот грузчик посочувствовал ей, сказав что-то такое, отчего она побледнела и застыла, обратившись в камень.

От Кирилла испуг матери не ускользнул, но расспрашивать ее при людях он не стал, лишь насторожился, понимая, что грузчик ничего хорошего ей не сообщил.

А зря...

Уже давно миновали все пригородные районы, а машина все ехала и ехала... Мать закуталась в одеяло, усевшись на полу кузова на подушки, прижимая Кирилла к себе, обмотав его другим одеялом. Согревшись в ее объятиях, часть дороги он спал. Деревни вокруг давно закончились, дорога стала местами разбитая – и сплошной полосой лес, будто их везли по тайге.

Наверное, так оно и было.

Наконец, грузовик выехал в поле, а через какое-то время мелькнул указатель «Черемушки».

Кирилл привстал, высунувшись из-под брезента, и сразу увидел дома, раскинувшиеся по обе стороны широкой реки, и железобетонный мост, соединивший два берега. В лучах уходящего солнца село показалось Кириллу большим. Пара улиц в центре, несколько улиц с новенькими коттеджами и много покосившихся и пустых домов на окраине, заколоченные крест-накрест досками, как будто Черемушки пережили войну.

Проезжая мимо центра, когда машина ненадолго затормозила, и один из грузчиков забежал в магазин за пивом, привстал мать, проявив интерес. В центре сосредоточились огороженные железными кованными узорчатыми заборами трехэтажное здание школы, стадион, рядом со школой, судя по вывескам, клуб и библиотека, на другой стороне три больничных трехэтажных корпуса и поликлиника, чуть дальше административные здания, расположенные по кругу площади и два торговых центра – и почти все новые, построенные из кирпича и панельных блоков.

– Помню, раньше это село проезжали, когда ездили в соседнюю область, – горько усмехнулась мать, – пока трассу через горы не проложили. Нам теперь, Кир, лучше тоже, в соседнюю область... ближе будет. Но места тут красивые. Мы с папой сюда ездили отдыхать. В горы и по реке сплавливались, – кивнула она на реку внизу.

Кирилл испытал шок. Все его надежды рухнули. Он понял, что больше никогда не войдет в свой класс, не получит разряд по шахматам, не выиграет олимпиаду по математике, не увидит Савичеву Маринку...

Сердце сжалось и взорвалось болью.

Подавлено Кирилл посмотрел на мать. Глаза ее были отрешенными и ничего не выражали. Она презрительно скривилась, думая о чем-то своем.

– Мам, как же так? – выдохнул он потерянно.

– Поздно, Кирилл, – мать тяжело вздохнула. – Лучше уж тут, чем в могилу...

Машина тронулась, отъезжая от магазина, продолжая двигаться даже тогда, когда село почти закончилось. Теперь и мать смотрела на дорогу со страхом, тоскливым взглядом оставляя село. И вдруг, поднявшись на гору, грузовик повернул с дороги, проехав три дома, стоящие одиноко, и остановился. И Кирилл, и мать вздрогнули и замерли, переглянувшись.

– Все, мать, приехали, – грузчик опустил задний борт, запрыгивая в кузов. – Замерзли? Идите в кабину. Вам бы печку затопить... Ладно, я сам, а вы грейтесь, пока разгружаем. За это время в избе маленько нагреется. Далековато вы забрались, чего вам в городе не жилось?

Мать надсадно закашлялась.

– Астма у меня, бронхиальная...

– Ну и? Могли в пригороде дом купить, – тот самый, с вырезанным аппендицитом, искренне им сочувствовал.

– А нас никто не спрашивал, – криво усмехнулся Кирилл.

Он еще не видел дом – машина остановилась к нему передком, не сумев развернуться, – наполовину брезентовая крыша кузова закрыла обзор, и не испытывал желания взглянуть – ему было все равно. Он не мог ничего изменить, только принять случившееся, как данность.

Дом стоял на отшибе на возвышенности. С холма Черемушки просматривались по обе стороны реки, как на ладони. Дальше центра дома были разбросаны по всему периметру в беспорядке, не образуя привычной и принятой стройности улиц. Берег с этой стороны был высокий, скалисты, отсюда были видны даже дома и производственные здания за рекой. В прошлом Черемушки гордо именовались райцентром, но после того, как окрестные поселения вымерли, а дорога потеряла статус областной, изменился и статус села. Если не считать бывшего села Захарово, которое располагалось в подножии гор неподалеку, где сейчас располагалась спортивно-оздоровительная база, в радиусе семидесяти километров жилых селений не уже осталось. Поля заросли молодым подъяльником и березняком, а разрушенные дома разобрали на дрова.

Вынув из бардачка автомобильную карту дорог, Кирилл долго рассматривал ее.

Горы находились на границе двух областей, разделенных горным хребтом. Однажды всем классом их возили на экскурсию в пещеры, и они ночевали в спортивно-оздоровительном комплексе в селе Захарово. Именно там же он и понял, что Маринка Савичева, которая расшибла ему лыжей нос, наехав и ткнувшись своими горячими губами в его лицо, нравится ему больше, чем другие девочки из класса.

Сейчас ничто не радовало взгляд: вокруг еще лежали сугробы, но не как в городе, снег был подтаявшим и чистым, на реке еще оставался лед. Возле дома в широком палисаднике, затянутом кустами, разрослись деревья, которые, видимо, никто никогда не подрезал. Отсюда были видны даже вершины гор, не таких высоких, как на той безе, но все же горы. Но ему, привыкшему к городскому шуму и высоткам, непривычная тишина и простор казался почти убийственным – он чувствовал себя раздавленным и раздетым, им овладело отчаяние и оцепенение. Он не мог представить, как он будет здесь жить. Ненависть к брату захлестнула его с новой силой, и он не видел причины, по которой мог бы хоть когда-нибудь простить Александра. Мать тоже не выглядела радостной, но взгляд ее стал осмысленным, в ней вдруг появилась какая-то решимость, которая напугала Кирилла, когда она прищурилась, кивнула сама себе и бибикнула, напугав грузчиков.

– Пойдем, сынок, обратно не повезут. Пригород, значит... Ну-ну... Если и это Сашку не отрезвит, значит, мы уже ничем ему не поможем, – мать открыла кабину – и захлебнулась в кашле от холодного воздуха.

– Мам, но ведь это несправедливо! Получается, что мы по стоимости четырехкомнатной квартиры купили развалюху в деревне, про которую знать никто не знает, – возмутился Кирилл. – Нас на улицу выгнали, а все эта крыса его! – он с досадой пнул заборную доску. – Они будут жить в городе, в нашей квартире, а мы здесь? И ты еще Сашку защищаешь?

– Будет тебе! – мать впервые за последнее время улыбнулась. – Сашку тоже выгнали, только он пока этого не осознает. Он болен, его лечить надо, а лучшего места, чем эта деревня, не придумаешь. Зачем он им теперь? Жить он будет с нами, куда ему деваться-то? Мы справимся, и все у нас будет хорошо!

– Хорошо? В этой дыре? Скажешь тоже! – сдерживая слезы, фыркнул Кирилл. – Оглянись вокруг, это же деревня! Мне теперь всю жизнь тут жить? Я не хочу! Я собирался в институт поступить! У меня столько планов было...

– И поступишь. У тебя есть тетя Вера.

– А тебя на кого оставляю?

– Кирилл, ну-ка! – мать достала носовой платок и вытерла ему нос, как маленькому. – Не говори глупостей! Честно говоря, я ожидала худшего, – она посмотрела в сторону дома, оценивающе прищуриваясь, удовлетворенно кивнула. – Этот дом еще сотню лет простоит и ничего ему не сделается. Да разве в деньгах дело? Пусть подавятся. У таких нелюдей радости в душе нет, им хоть сто квартир подай. Они не останятся, и кто-то да поставит их на место, – она решительно взяла Кирилла под руку. – Папка твой строителем был, многому меня научил. Кирюш, – она тяжело вздохнула. – Два сына у меня, один попал в беду. Будь ты на моем месте, как бы поступил? Ты не о Саше думай, а о своих детях... А-а, – она махнула рукой. – Ты не поймешь меня, пока внуки у меня не появятся. Вы ведь у меня оба... – она похлопала себя по сердцу, – здесь!

Кирилл понял, что на деньги, отложенные матерью – последняя надежда, что когда-нибудь он вернется и начнет жизнь с нуля – можно не рассчитывать. Жизнь теперь действительно нужно было начинать с нуля.

Он промолчал, но мать, кажется, поняла, о чем он думает.

– Кирюш, может, поправлюсь. Воздух-то здесь какой чистый! Знаю я эти места. Пока вы не родились, отец твой часто меня сюда привозил, – она показала рукой в сторону гор. – Там, с той стороны, – она улыбнулась, – папа родился. А ты не знал?

– Как, здесь? – Кирилл раскрыл рот. – А почему бабушка жила в Елизаветино?

– Это она перебралась, когда деревню их снесли. Папа настоял. Там уже и не осталось ничего, но это недалеко, съездим как-нибудь. Грибов там, как в сказке, видимо-невидимо, и озеро, а в озере белые лилии и черные лебеди. Здесь тоже люди живут. А квартира у тебя будет.

Она обняла Кирилла, уткнувшись в плечо. Кирилл прижал мать к себе, чувствуя такую нежность и жалость, словно у него вырвали сердце.

– Тетя Вера хотела свою квартиру Саше завещать, но теперь-то вряд ли... – проговорила мать, отдышавшись. – Детей ей Бог не дал, вы у нее вместо сыновей. Не выгонит, когда поедешь учиться. Я держать не буду, как бы плохо мне не было. Главное, Сашу вернуть. Я тоже расстроена, но, если опустим руки, лучше нам не станет, – мать протянула Кириллу руку. – Сыночка, помоги-ка мне. И потом... Помнишь, тетя Вера лечиться от бесплодия ездила? Она тогда еще тоже квартиру хотела продать.

– Ну, помню... – Кирилл пока не понял, к чему клонить мать, но смутное подозрение мелькнуло в душе.

– Папа денег ей дал на операцию, и она вроде как одну комнату нам продала. Ту, маленькую, которая на лоджию выходит. Мы тогда тебя туда прописали. А зря, – пожалела мать. – Ты пока несовершеннолетний, могли бы оспорить сделку.

Кирилл понял, что жизнь его не совсем закончилась. Он даже пожалел, что не может оказаться у тети Веры прямо сейчас. Вот бы плюнуть в лицо этой новостью Александру и той крысе, которая выставила их из квартиры! Но мать, казалось, читает его мысли.

– Не вздумай Сашке об этом сказать, – испугано прикрикнула она. – У Саши не должно быть ни малейшего сомнения, что мы все потеряли!

Это было обидно, но если Кирилл хотел сохранить свое при себе, то надо было молчать.

Водитель подошел к матери и виноватым голосом произнес:

– Ну что, мать, мы закончили, за работу бы подкинуть...

Мать посмотрела на него с такой неприязнью, что водитель попятился, потом скривился и крикнул грузчикам:

– Садитесь, поехали!

Один из грузчиков открыл рот, собираясь возмутиться, но водитель не дал ему раскрыть рта.

– Поехали, я сказал!

Проводив машину взглядом, Кирилл и мать направились в дом. Ворота были не заперты. Мебель и вещи сгрузили и свалили во дворе, завалив проход на крыльцо, рядом с которым стояла пустая собачья будка. Дом оказался пятистенкой с дворовым пристроем, с наколотыми дровами. Не сказать, что маленький, но небольшой. Окружал дом высокий забор, за которым располагался огород с колодцем и садом. Перед домом – просторная ограда с тропинкой, посыпанная гравием и битым кирпичом, которая упиралась в ворота. Пока рабочие сгружали вещи, снег притоптали, оголив камни. Ко двору примыкала баня и бревенчатый капитальный сарай для домашних животных. В самом дальнем углу находился туалет, в который сходили по очереди, прочувствовав деревенскую жизнь с ее неприглядной неустроенной стороны.

Вылетев с досадой из туалета, Кирилл едва не упал, запнувшись за незамеченную им цепь. Немного успокоившись, подумал о том, что собаку ему теперь никто не запретит завести, даже если это будут самые шерстяные из собак.

Ну почему нельзя иметь все сразу?

Мать проследила за его взглядом и снова поняла, о чем он думает. Ее способность читать его, как открытую книгу, всегда удивляла Кирилла, а иногда расстраивала, особенно если нужно было соврать.

– Поедем к тете Вере, зайдем на рынок. Купим самую большую собаку, даже если это будет кавказец, – пообещала мать. – Никогда не знаешь, что ждать от людей. Собака нам теперь просто необходима.

– Мам, ты правда согласишься на собаку? – Кирилл на мгновение забыл, где они находятся.

– Ну, конечно же, у тебя должны быть какие-то радости, – она заглянула в чулан, посветив фонариком мобильного. – Почему из-за Александра ты должен страдать?

– Мам, кавказцы дорогие, я на любую согласен, но лучше овчарку, – он вспомнил соседку, которая выводила гулять своего пса.

– Папа очень хотел собаку, – вспомнила мать. – Когда он на границе служил, у него был Ферзь. Скучал очень. Но из-за моей болезни позволить себе держать животное мы не могли. Всегда чувствовала себя виноватой, – призналась она. – Я ведь тоже люблю животных. Иногда увижу бродяжку, так хочется ее взять, а понимаю, нельзя, и помочь ничем не могу.

Мать задумалась, помрачнела.

– Не помогла ни разу, а теперь вот, сама без дома осталась, и все придется начинать заново. Мужа нет, годы не те, и на работу не устроишься, не возьмут нигде с таким букетом болезней, – оперевшись на Кирилла, мать прижала руку к сердцу в новом приступе кашля, присев на диван. – Дождалась на старости лет. Кирюш, ты не казни себя, дай Бог, лишь бы см тобой подобной беды не случилось.

И только тут Кирилл понял, что мать переживает больше, чем он. Он вдруг отчетливо почувствовал в ее лице раскаяние и неприязнь к Александру, которую она то ли скрывала, то ли подавляла. А еще, наконец, осознал, что они осиротели. Как тогда, на кладбище, после похорон отца. Александр теперь был не тем братом, который катал его на санках, водил в кино и покупал мороженное, и не тот, который учил его разбираться в компьютере и ругал за оставленные где-то варежки. Это был другой, чужой человек, у которого уже не было души. Жестокий, злой, словно подавленный чьей-то волей.

Неужели он и сейчас не одумается?

И сразу понял – не одумается. Миллионы людей поступали так же – и не раскаивались. Мысль, что Сашка будет жить в их квартире со своей подругой, снова показалась ему почти невыносимой, отдаваясь болью. Он уже мечтал, чтобы и брат однажды оказался на улице.

Дом встретил их смолянистым запахом и мудрой настороженностью. Крепкий, с высокими потолками, с некрашеными дубовыми полами. Ни одна червоточина не коснулась потем-

невших от времени бревен корабельной сосны и лиственницы, будто они были заколдованными. Ни обоев, ни штукатурки, лишь потемневшие, покрытые лаком бревна. Мох, плотно забитый между бревнами, еще сохранил блеклую зеленую окраску, не потемнев со временем.

В первой половине дома располагались прихожая, две спальни, горница и кухня. Заглянув в спальню за печью, вход в которую был из прихожей, мысленно обживая ее, Кирилл подумал, что там, пожалуй, поместится и кровать, и стол, и кожаное кресло, доставшееся ему от отца. Одна сторона печи, образуя заднюю стену, обогревала комнату. Тут было уже теплее, чем в остальном доме.

Горница, с окнами в ограду, оказалась большой – теперь уже удивилась мать. Из горницы вели два прохода – на вместительную кухню окнами в огород, с умывальником в углублении за печью. Умывальник все еще висел на своем месте над треснувшей раковиной, и еще один проход в другую, смежную с прихожей спальню, пожалуй, даже больше, чем первая. Когда-то здесь жила большая семья...

Мать шелкнула выключателем. Тускло загорелась лампочка. Вернулась на мост, чтобы осмотреть пристрой, который располагался через теплый мост. Сейчас пристрой, в котором вполне можно было жить, был забит наколотыми дровами. Он состоял из одной горницы и кухни. Горница, за счет смещенной к стене печи, оказалась больше той, которая осталась в другой половине дома, такая же в длину, но шире. Зато кухня меньше в половину. Очевидно, мост до строительства пристроя был частью дома, составляя другую его половину. Не обогреваемый, но капитальный, с такими же покрытыми лаком стенами, теплым потолком и некрашеными полами.

Глава 3

– Авдотья эту часть дома жильцам сдавала... – прозвучало за спиной. Кирилл и мать от неожиданности вздрогнули и оглянулись.

Позади них в проходе стояли двое мужчин. Один совершеннейший блондин-альбинос, с красновато-голубыми усталыми глазами, вокруг которых лежала сеточка морщин. Лет тридцати пяти, высокий, плотного спортивного телосложения. Мужественные прямой нос и массивный подбородок.

Одет... Даже в городе редко встретишь человека, который бы так одевался. Дорогой черный костюм: брюки, жилет, пиджак, желтый галстук в красную полоску под цвет шелковой рубашки, лакированные остроносые утепленные ботинки. Поверх костюма нараспашку рыжая замшевая куртка с меховым воротником. Сам он и голос его показались веселыми, и разглядывал новых жильцов, оценивая.

– То родственники нагрянут, то охотники, то лыжники... Места знатные. Отдыхающих летом много бывает. У нас на лето лагерь открывается, из города детей привозят, студенты на практику приезжают, – договорил он, осмотревшись. Заметил коврик перед порогом, вытер ноги.

Второй оказался невысоким полноватым мужчиной лет пятидесяти с короткими рыжими кудрявыми волосами. Отличали его глубоко посаженные коричневые глаза, с широкими рыжими бровями над ними, и хищный крючковатый нос, который никак не вязался с круглым лицом и яркими веснушками. Щетина придавала ему некоторую диковатость. Одет он был в черную кожаную куртку на меху, застегнутую на молнии до мохерового зеленого шарфа, повязанный толсто на шее, в черные теплые брюки и кожаные теплые ботинки, в которые были заправлены концы брючин. Теплую кожаную меховую фуражку он мял в руках, открыто рассматривая и мать, и Кирилла.

Блондин-альбинос подошел к матери и протянул руку:

– Давайте знакомиться, Артур Генрихович Шрахтенберг... Да-да, я немец, – кивнул он головой. – Строили здесь кирпичный завод, влюбился, женился, остался. Вот, руковожу... В прошлом глава местной администрации, сейчас хозяйственник. Выкупил земли, организовал акционерное общество, занимаемся животноводством, выращиванием тепличных культур, лесопереработкой. Да чем мы только не занимаемся, чтобы выжить! Жизнь наша напрямую от предприятия зависит, но иногда жить не дают – воюем потихоньку, – пожаловался он.

Мать чуть замешкалась, но быстро собралась и протянула руку:

– Анна Владимировна, Ворон... Бывший врач, дисквалифицирована по инвалидности... астматик. Вы извините, просто я...

– Не буду скрывать, наслышан и репутацию вашу проверил, – сухо и по-деловому признался Артур Генрихович, и сразу смягчился. – Вы уж извините, что я к вам без приглашения, и вот так сразу... – он виновато улыбнулся, добродушно распахнув руки. – Я как узнал, что к нам врач едет, да еще хирург, профессор, обрадовался. Врача у меня в больнице хорошего нет, девочки молодые, практикантки. Приезжают, уезжают... – он с досадой поморщился. – Пока рожениц до области везем, они у нас еще одного успевают выносить, – пошутил он. – У кого-то аппендицит, кому-то зуб вырвать, а то, бывает, охотники друг друга постреляют. Если вы не сможете, то я, конечно, пойму вас, но нам нужна ваша поддержка. Ну, хотя бы подсказать правильный диагноз... Сами понимаете, девочки приезжают без опыта совсем. Хочу предложить вам взять руководство больницей на себя, – он наивно взмахнул белесыми ресницами и почти выкрикнул, округлив глаза: – Ну нет у нас врачей! – всплеснул руками. – И как заманить – не знаю! А моим людям квалифицированная помощь во как нужна! – резанул себя ладонью по шее. – Пять часов до больницы везем, а если дорогу перемело...

Рыжий дяденька кивнул.

– На той неделе двое скончались, – пожаловался расстроено, прочистив горло легким покашливанием. – Пока из лесу привезли, пока в область доставили... по дороге. Несчастный случай. А недавно еще один от зуба скончался. Флюс вскочил, гной в мозг вытек. Зубного врача из города не дождалась.

Кирилл заметил, как в матери смешались все чувства.

– А как я... – она растерялась.

– Да нет же! – опять всплеснул руками Артур Генрихович. – Вы можете вести прием, но, если тяжело, вы только проверяйте девочек. Какой диагноз ставят, что и как... Много хозяйственных вопросов накопилось. Тут профессионал нужен – зубастый и клыкастый. Я ведь не врач, не знаю, что для больницы нужно. Привезли с поля бойца раненого, а у девочек бинта не нашлось, а то инсулин забыли заказать, опять человек помер... Наша власть медицину не жалуется, – он горько усмехнулся. – Больница хорошая, есть оборудование, которым даже и не пользуемся. Некому, не знаем для чего да как. К нам ведь и из Захарова то и дело привозят. Кто ногу вывернул, кто сломал, а зимой под лавину попали трое. Нам захаровские помогают, поддерживают, деньги выделяют. Мы хоть с разных областей, но живем тут, как на необитаемом острове. Вы не пугайтесь, газ есть – труба рядом. В позапрошлом году скважину пробурили, теперь и нефть своя. На асфальт или на горючее самое то. Продукцию с комплекса перерабатываем и продаем в соседнюю область, до них ближе. Заводик кирпичный, лесом приторговываем, летом выпуск прессованной доски наладили, звероферма, комплекс свиноводческий. Все как у людей.

– А много у вас обслуживает больница? – робко поинтересовалась мать.

– С захаровскими, пожалуй, тысяч пятнадцать будет. Но специалистов не осталось почти, в город поужезжали, когда настали тяжелые времена. Это сейчас производство работает, а раньше-то ни работы, ни денег. Видели, небось, сколько домов пустует. С тех времен и стоят. Ну, если вы не хотите... – он расстроился, покачав головой.

– Нет, нет... Нет... – испуганный голос матери сорвался на хрипотцу, она разволновалась. – Я согласна... Просто так неожиданно ваше предложение! Поймите правильно, я думала, никогда не смогу в строй вернуться. Зачем же убивать себя надеждой? – руки матери мелко дрожали.

Кирилл видел, что ей хотелось закашлять, но она пыталась сдержать кашель, закрыв рот рукой, лицо ее покраснело, вздуваясь жилами.

– Вот и славно! Вот и договорились! Ну, тогда... – Артур Генрихович протянул ей носовой платок, сложенный вчетверо. – Он чистый, не побрезгуйте. И не стесняйтесь, я знаю, что это за болезнь. Моя жена болела астмой, оттого и переехали сюда. Поначалу-то тоже в городе устроились. И вы знаете, прошла астма, – обнадежил он ее. – Здесь рядом сосновый бор, кедр, горы. А дом у вас хороший, подправим, перестроим, газ проведем. В центре и отопление есть, но сюда не тянем, котельная не справляется. Но мы уже новую закупили. Бригада как раз простаивает, мы древесину еще не скоро будем отправлять, лед через месяц сойдет, не раньше, мы баржами ее вывозим. В старые-то времена сплавляли – всю реку загадили, – опять пожаловался он. – Чистили долго. Хорошо экологи помогли из Гринписа. Я, когда в Германии жил, участвовал в их движении и руководил бригадой быстрого реагирования. Теперь и рыба к нам вернулась, щуку на удочку берут аж возле дома, третий год выпускаем форель. Первый улов отправили на реализацию. Еще один заводик нужен, – он опять развел руками, на этот раз широко. – Так что и лесом обеспечим, и кирпичи наготовлены. Но вы уж устраивайтесь как-то быстрее, а то скоро посевная. Не приведи господи остаться как прошлым году!

– С какой-то заразной болезнью всю бригаду в область увезли. Оказалось, пищевое отравление, – пояснил рыжий. – Пока возили туда обратно, неделя прошла, а для посевной неделя – катастрофа.

– Мы вообще-то специалистам вашего уровня квартиры предлагаем, но у вас дом большой, крепкий. Нам такой, пожалуй, и не построить, – по-хозяйски осмотрелся Артур Генрихович. – Опять же, свободных квартир все равно пока нет. Так что, все законно и в пределах помощи, которую оказываем тем, в ком нуждаемся. Ссудой поможем, материалами. Когда бы нам приступить?

– Да я хоть завтра! – просияла мать.

– Ну, завтра, так завтра, – он переглянулся с рыжим. – Определитесь, куда вам и что. Работают ребята быстро, орлы бывалые, быстро управятся. А потом посевная начнется, строительство и сплав – заберу, – предупредил он. – Я вижу крышу надо полностью перекрывать, потолок сырой, видите, течет, – Артур Генрихович прошел по дому, заглянув во все углы. – Дожди начнутся, затопит. Вам в таких условиях жить нельзя. Вы уже весь дом осмотрели?

– Не надо ссуды, я думаю, найду деньги на крышу. Да мы еще и не смотрели, зашли только. Конечно, переделать тут кое-что надо... – согласилась она.

– Матвей, ты помоги нашему главврачу. Надо, чтобы вовремя человек к работе приступил. Ой! – спохватился он. – Я, кажется, помощника и правую руку мою не представил. Матвей Васильевич. Их, правых рук, у меня семеро, – улыбнулся он.

– Можно просто Матвей, привычней как-то, – скромно потупившись, поправил Матвей.

– Ведет строительство и занимается лесом, – Артур Генрихович кивнул в сторону мужчины с рыжей шевелюрой. – Все вопросы по ремонту решайте с ним.

После этого он обратился к Матвею:

– Я машину возьму, еще на завод заеду. А ты отдыхай. Завтра приступай, пока время есть. Возьми всех, кто свободен... Бригада Михеича с лесозаготовок вернулась, посылать в лес до осени не будем, поздно.

– Надо бы и бригаду Михалыча вернуть, – кивнул Матвей Васильевич. – Болото подтаивает от грунтовых вод, техника может под землю провалиться, не стоит рисковать. Нормальные объемы сделали. Теперь пусть лесники вырубками займутся, готовятся к посадкам. Правда, говорят, кедр у них в питомнике нынче плохо взошел.

– Лиственницу пусть садят, она быстрее до деловой древесины вырастет, – распорядился Артур Генрихович.

Артур Генрихович ушел, оставив их втроем. Матвей переминался с ноги на ногу, ждал, пока хозяйка решится на что-нибудь. Мать тоже молчала, не зная с чего начать разговор.

Матвей начал первым:

– У вас семья-то большая? – спросил он, осматривая помещение.

– Я, сын... Кириш, подойди сюда, – позвала она. – И еще один, Александр. Но его нет, едет где-то. Бросил нас. В общем, попали мы сюда по его милости. Невеста у него отсюда, Ирина Штерн. Связался с ней, и что-то нехорошее с ним происходит, не знаем, что и делать, – мать тяжело вздохнула.

– Это Родиона племянница? – с ехидцей оскалился Матвей.

– Его, – кивнула мать.

– Не вы первая, не вы последняя... Помогают нам с людьми, переселяют в пустующие дома – они многим тут жизнь запоганили, но больных-то нам не шибко надо, – он махнул рукой с улыбочкой – Вы не стесняйтесь, кашляйте, если вам по болезни вашей надо.

– Ну что, давайте, дом, что ли, осмотрим? – предложила мать. – Или, может быть, с утра? Она пошла вперед, Матвей за нею, Кирилл следом.

Первое, что не понравилось матери, то, что окон было много, но маленькие. Матвей успокоил ее, сказав, что устранить это можно за один день, вставив новые. Лесопилка работала,

окна делали на продажу на совесть из качественной древесины, а то и металлопластиковые – тоже были, хранились на складе для коттеджей.

В другой половине дома потолок был тоже с подтеками. Видимо, крыша провалилась под тяжестью снега. Но, по мнению Матвея, все было поправимо, поскольку основное в доме фундамент и стены, а им сносу не было. Высокий фундамент из кирпича и бетона делал он сам, еще юнец, когда дом только-только строился тридцать лет назад, и хорошо помнил, сколько бетона тогда залили в землю. Строил дом муж Авдотьи, хозяйки дома, когда был председателем Черемушкинского совхоза.

Потом договорились убрать печь из пристроя, а ту что в доме переложить, чтобы была аккуратная и не такая большая. Газ к каждому дому подвели бесплатно, но Матвей посоветовал одну печь все же оставить. Мало ли что. И посоветовал превратить мост в жилое помещение, пообещав прислать местного архитектора, который проектировал и строил коттеджи. А после того, как слезли на чердак, не осталось сомнения, что крышу надо полностью снимать, снимать потолок, а заодно запланировать теплую мансарду.

Матвей прикинул и назвал цену, которая приятно удивила мать.

– Это же так естественно! Материалы свои выделяем, для себя, – рассмеялся он. – Лишнего с себя не возьмем. А бригады за зарплату работают, а не в прибыль. Простаивают, не простаивают – нам все равно платить.

На время ремонта дома Матвей посоветовал поселиться у кого-нибудь на постое, сложив ценные вещи хоть в ту же баню, поклявшись, что ничего с ними не случится и ни единой мелочи не пропадет, но мать раздумывала недолго, решив пережить это время в бане, обратившись за согласием к Кириллу.

Кирилл кивнул, задумавшись о чем-то своем. Такого поворота событий он не ждал.

– Ну и ладно, – согласился Матвей. – Баня, должно быть, хорошая, Родион ее после смерти Авдотьи построил. Он охотник, привозил из города знакомых. Пировали тут. Дома семья, а тут никто не мешал.

– Это что же, коттедж у меня будет? – обрадовалась мать.

– Ну... типа того, – развел Матвей руками, неопределенно кивнув в сторону села. – Строим! Видели, какие дома отгрохали? Это в позапрошлом году, как нефть нашли. Для государства непригодная, а нам самое то. Соляра своя, теплицы отапливаем. Решили сразу строить капитальное жилье, чтобы потом не переделывать. Пока для специалистов, но на лето планируем для простых рабочих.

На этом Матвей ушел, потрепав Кирилла по волосам и подмигнув ему:

– Ну, строитель, готов к работе приступить? Тебе, парень в школу идти, школа у нас хорошая – вот твоя работа! А то отстанешь!

Когда они остались одни, мать осмотрелась вокруг и задумчиво произнесла:

– Знаешь, Кирюша, я так боюсь перемен, но нет худа без добра. Вот и на работу, может, вернусь... Это так неожиданно! – она поставила электрический чайник и достала бутерброды, приготовленные еще в городе. Руки у нее все еще дрожали. – Если завтра будут разбирать крышу, нам нужно где-то устроиться на ночь, чтобы рабочим не мешать. Ты посмотри, как там в бане, а то, может, поторопились.

– Мам, у нас на этот ремонт все деньги уйдут, да?

– Да, Кирюша, почти все. Но если материал выделяют бесплатно, может, что-то останется... Мотоцикл тебе обязательно куплю, на который права не надо, – пообещала она. – На рынке видела, они не дорогие.

– Скутер? – подсказал Кирилл, внезапно сообразив, что в деревне жизнь не такая уж плохая, если не вспоминать про все остальное.

– Хотя, лучше бы, конечно, настоящий мотоцикл, – согласилась с его мыслями мать. – Чтобы в школу не опаздывал. Ну и... меня подвезешь иногда. Мы, наверное, красить и оклеивать будем сами. Как считаешь, справимся?

– Мам, у нас что, есть другой вариант? Ты, правда, думаешь, что мы в бане сможем прожить это время? До лета в ней жить придется.

В баню пока не заходили, и Кирилл плохо представлял, что она из себя представляет, но с наружи выглядела большой, и предбанник у нее был теплый.

– Кирюш, у нас разве есть другой вариант? – передразнила его мать. – Давай-ка мы приготовим поесть. А пока я буду готовить, ты мелочевку во двор под крышу сноси, – попросила она. – И тарелки достань. В общем, посмотри, что нам может пригодиться. А мебель попрошу рабочих убрать. Надеюсь, не украдут за ночь. Саша, видимо, не появится сегодня.

Кирилл занес дров, чтобы подложить в печь и вышел во двор. Было уже темно и слегка подморозило. Он достал из кучи вещей старую зимнюю куртку и надел ее, подождав, пока согреется, вышел во двор. На душе было тяжело. Даже тут Александр повел себя скотиной, будто чужой. Наверное, Кириллу еще не верилось, что теперь это его реальность. Ему вдруг показалось, что он снова спит и видит сон.

«Не раскисать, не раскисать!» – приказал он себе. Зашел в баню, посветив сотовым телефоном, нашел выключатель и включил свет.

Баня оказалась на удивление вместительной. Делилась она на три отделения: парную, три на три метра с удобными пологам, помывочную такого же размера, и большой теплый предбанник, примерно, три на шесть метров с утепленной покатою крышей и лестницей на чердак с оконцем. В предбаннике был даже камин, который выходил в парную каменкой. «Ого!» – удивился Кирилл. Большие морозы давно закончились – не замерзнут. Он немного расстроился, когда увидел, сколько пустых бутылок придется выносить. Они были повсюду – и в мешках, и на полу по углам, и на чердаке. «Ее тоже надо бы протопить», – подумал он, поеживаясь от холода. Подбросил в камин несколько сухих березовых поленьев, лежавших тут же, открыл трубу, бросил бересту и поджег. Огонь весело побежал по поленьям, заражая своей беззаботностью.

От старых хозяев в предбаннике осталась кушетка для массажа, стол и диванчики, обитые дерматином, и узорный шкаф, в котором хранили посуду и напитки. На полу чердака над парной и помывочной валялось много сухих листьев, а на трех поперечных шестах все еще висели веники. Здесь вполне могли поместиться кровать и стол для него.

Кирилл заметил, что бачок под воду совсем пуст, а помыться с дороги не мешало. Он тут же нашел пару ведер, наносил с колодца воды.

Пока он носил воду, поленья почти прогорели. Подбросил еще охапку дров, прикрыв камин чугунной заслонкой, что открывалась и закрывалась на две створки в разные стороны. Потом вынес бутылки, подмел чердак, собрав сухие листья, бросил в огонь. После этого занялся разборкой вещей: выбрал постельное белье, одеяла и матрасы, сложил их отдельно, собрал одежду, аккуратно развесив на чердаке на шестах для веников, сдвинув шесты к стене. Всю прочую мелочевку: книги, игрушки, шкатулки сложил в пространстве между сараем и баней. Выбрал необходимую посуду, разложив в шкафу, остальную оставил там же, куда складывал ненужные пока вещи.

Наконец, мать позвала его. Она принесла на кухню стулья, постелила на стол скатерть и прибралась. Стало уютно. От печи шло тепло. Мать поинтересовалась, чем он занимался, но, когда он начал рассказывать, заметил, что она почти не слушает его. Мать отстраненно разложила в тарелки макароны и колбасу, и так молча, не разговаривая друг с другом, сели за стол.

Некоторое время дружно ели.

– Кирюш, я что-то переживаю за Александра, – наконец, начала она. – Телефон не отвечает. Может, по дороге что случилось? Не в себе был, мог в аварию попасть.

– Мам, ну ты хоть сейчас его не оправдывай! – Кирилл почувствовал, как в нем закипает возмущение, Мать жалела человека, который просто выкинул их на улицу, как щенят. – Что с ним может случиться? Наслаждается, что нас нет. Ненавижу его!

Кирилл отвернулся, размазывая по лицу тыльной стороной ладони увлажнившиеся глаза.

– Кирюша, не смей так говорить! – прикрикнула на него мать, съезжившись и опустив плечи. – Если что-то случится, ты об этом очень пожалеешь!

– Мы с тобой сидим, как два дурака, а они там смеются над нами, – фыркнул Кирилл, бросая ложку. – Мама, ну ты представляешь, они сидят в нашей квартире... Там, где мы сидели с папой, ходят по полу, по которому он катал меня на спине... Или жрут блины и радуются, что Ирка теперь пристроена.

– Бывает, что люди переезжают, – ровным голосом ответила мать.

– Они разговаривать с нами не хотят! – рассмеялся Кирилл. – Зачем ты квартиру ему разрешила продать? Ну и пусть бы убили его! Он нам даже про дом наврал, будто ездил его смотреть! Он не смотрел! Он даже не знал, где он находится! И врал мне, глядя в глаза! – вспомнил Кирилл. – А говорил: ой, дом в Черемушках, пригород, на землю новую квартиру купим, рассказывал сказки, как все классно, замечательно, здорово, а где, покажи? – Кирилл скрипнул зубами, сжимая вилку до боли в суставах. – Если бы тут не нужен был врач, кто бы нам помог? Слышала, что Матвей Васильевич сказал? Мы не первые! А представь, если бы нас привезли в полуразрушенный и заколоченный дом, мимо которых проезжали? Наверное, просто испугались, что ты подашь на них в суд. Все же, ты не какая-то работяга. А, может, этот блондинчик пригрозил, с него станется.

Кирилл отрешенно уставился в тарелку, с ужасом думая о том, что все могло быть много хуже.

– Тех, кто может подать в суд, обычно убивают, – согласно кивнула мать, словно опять прочитав его мысли. – Если честно, я даже не представляла себе, как это все могло быть, а когда мимо заколоченных домов проезжали, представила. И все же... Знаешь, Кирюш, – она ненадолго задумалась, – а я рада. Сама бы я на переезд в деревню никогда не решилась. И пусть он предал нас, но зла не держу. И ты не держи.

– Я не хочу больше о Сашке говорить, он мне не брат, – отрезал Кирилл. – Я вырасту, заработаю много денег, и киллера найму, чтобы его убили. Папа ему фирму для нас оставил, а он нас обворовал! Я его ненавижу! Ненавижу!

Кирилл вдруг почувствовал, что ему становится легче. Боль, которую он держал в себе, выходила наружу с его высказанной ненавистью.

– Ты как Сашка, он не помнит про нас, а ты все плохое пытаешься забыть. Я видел, как он таскал тебя за волосы, в лицо плевал, как ударил тебя в прихожей, головой об стену! И пусть убьют его! Или ты хочешь, чтобы он еще и тут нас изводил? Да пусть он сдохнет! Сдохнет, как тварь подзаборная! Сволочь он, ненавижу!

Кирилл вскочил, нервно подойдя к окну. Уперевшись рукой в косяк, уставился в непроницаемую темноту за окном. Его трясло, руки его дрожали, слезы бежали сами собой – и он ничего не мог с собой поделать. Его вдруг охватила глухая ярость.

Мать оставила еду, подошла сзади и погладила. Кирилл отмахнулся. Тогда она с силой схватила его руку и прижала к себе, не давая вырваться.

– Кирюша, сейчас же замолчи! – она говорила горячо и в самое ухо, погрозив пальцем перед лицом. – Люди иногда болеют. Может быть, у него травма, о которой мы не знаем? Может, загнипнотизировали его? А кто ему поможет, кроме нас? Ну, все, все! Все! – мать держала его и гладила по голове. – Подумай, почему люди попадают в секты и ведут себя, как

наш Сашка? Как будто булавку ему в голову воткнули... Мне бы раньше об этом догадаться, – укорила она сама себя.

Кирилл уже не плакал, но всхлипывал заложенным носом. Он насторожился при слове «булавка». Чувство тревоги кольнуло в самое сердце. Он вдруг обрывочно вспомнил свой сон, и незнакомые лица мелькнули перед глазами.

– Почему ты это сказала? – серьезным голосом спросил Кирилл.

– Что сказала? – не поняла мать вопроса.

– Ну, про булавку? – пояснил Кирилл.

– А-а-а! Сказка такая есть про Финиста ясного сокола, – мать вздохнула и потянула его за собой за стол, усаживая. – Там жена втыкает Финисту в голову булавку, и он забывает о самом дорогом, о девушке, которую любил.

– Странное чувство, как будто не сказка это, а моя жизнь, – с горечью усмехнулся Кирилл, хлюпнув носом. – Во сне я что-то видел, как раз перед тем, как нам сюда уезжать. Станный был сон, подробности не помню, но такой реальный, будто все на самом деле происходило, как в жизни.

– Кирюша, ну хоть ты меня не пугай! – умоляюще воскликнула мать. – У нас Сашка ненормальный, если еще ты будешь ненормальным, я не вынесу!

Рассердившись друг на друга, продолжили ужинать. Кирилл с матерью согласиться не мог, хоть и отошел от обиды на нее. И когда вдруг почувствовал, как мать мягко дотронулась до его ноги под столом, не сдержался.

– Мам, – он оттолкнул ее. – Не приставай, ты не заставишь меня Сашку любить!

– Что? – вскинулась в недоумении мать. – Я пристаю к тебе?

– А зачем ты мне ногу трогала? – сердито разошелся Кирилл. – Ну не делай вид...

– Я? – мать подняла скатерть и заглянула под стол. – Ой! – глаза ее удивленно округлились.

Кирилл тоже заглянул под стол.

Из-под стола на него тарачился огромный кот. Черный, как смоль, и пушистый, как кавказец. С минуту кот и Кирилл сверлили друг друга взглядом. Хвост кота качался из стороны в сторону, ударяя по полу. Кирилл вздрогнул, когда кот вдруг подмигнул и как-то неестественно, будто бы ухмыльнулся, сверкнул недобрым красноватым угольком в другом глазу.

– Это не кот, посмотри на него! – мать всплеснула руками, озадаченно прижав их груди, очевидно, испытывая те же чувства. В сомнении покачала головой. – Это пантера! Или пума. Может, рысь? Тут лес недалеко.

– Мам, для пантеры он толстоват и маловат. Иди сюда! Кис-кис!

Кирилл протянул руки, но кот попятился и отпрыгнул назад без разворота. Кирилл отодвинул стул, полез под стол и... кота нигде не было.

– Мам, куда он девался? Это какой-то неправильный кот...

– Не знаю, – мать тоже начала поиски кота. – Кис-кис-кис...

Но кот как сквозь землю провалился, исчезнув у них на глазах.

– Мам, пойдем спать, нам вставать рано, – Кирилл, наконец, прекратил поиски кота. – Я в бане нам приготовил, найдем его завтра, может он под полом?

– А я все думала, откуда это удивительное ощущение, что за мной наблюдают, – задумчиво проговорила мать. – Это, наверное, он нас встречал. Интересно, давно он тут? Явно не голодал. Жаль, что молока не взяла и колбасы не осталось.

– У меня тоже такое чувство было, – признался Кирилл, зевая. Разговаривать ему не хотелось, он устал, глаза слипались. Наверное, было уже далеко за полночь. – Мам, я спать хочу!

– Ну, пошли, сынок, пошли. Я тут завтра приберу, – кивнула она.

Глава 4

Кирилл проснулся и высунул голову из-под одеяла.

Он лежал на чердаке, где постелила мать. Поднять на чердак кровать не успели, было слишком поздно. Часы показывали одиннадцать. Рядом лежала аккуратно сложенная одежда. Он встал, спустился в предбанник. Мать, пока он спал, сделала из него жилую комнату. Расставила стол и стулья, втиснула пару кресел и раскладной диван, расставила на полке книги. Кирилл удивился: в углу стоял холодильник – как же она его втащила? На столе стояла трехлитровая банка с молоком, батон хлеба, открытая и початая банка тушенки, вареный картофель и яйца.

Интересно, где она это все взяла?

Он налил себе теплой воды в ковш, достал мыло, щетку, зубную пасту и вышел к колодцу, осматривая территорию.

Часть огорода за колодцем занимал разросшийся сад. Рабочие уже разбирали крышу, сбрасывая вниз гнилые доски и снимали слой утепления из земли. По крайней мере, стало понятно, кто помог матери затащить холодильник и мебель. Еще несколько человек работали в доме. Дом стоял без окон и без дверей, которые уже успели достать.

Матери нигде поблизости не было...

Он вернулся в баню, сделал бутерброд и заметил записку. Мать предупреждала, что ушла в больницу знакомиться с персоналом и оформлять соответствующие документы, и просила сразу ей позвонить, если появится Александр.

Отодвинул записку – это было в ее духе. В прежние времена она дневала и ночевала на работе, проводя там основную часть своего времени, особенно после того, как отца, который забирал ее домой, не стало. Так что он привык быть предоставленным сам себе. Вышел за ограду, рассматривая следы на снегу. Нет, брат не приезжал, с вечера остались следы машины, на которой приезжали Артур Генрихович с Матвеем и той, которая привезла их сюда, других он не заметил. За ночь от обиды не осталось и следа, уступившей место тревоге. Сердце кольнуло, теперь он тоже беспокоился. Кирилл не мог думать об Александре хорошо, но в глубине души он верил, что даже такой, каким брат был сейчас, он не мог поступить с ними так без причины. Еще вчера Кирилл был уверен, что брат находится в доме невесты, но сейчас он сомневался. Зачем он им теперь нужен? Он и дня там не продержится.

Время тянулось медленно. До обеда Александр так и не появился и на звонки не отвечал, но по крайней мере, сигнал теперь проходил. Первое, что пришло на ум, рассмотреть дом получше, изучив территорию, на которой он располагался. Кирилл оделся потеплее, обошел дом вокруг.

Дом рушили на глазах, и выглядел он не лучше заколоченных и полуразрушенных, что стояли неподалеку. Несколько человек выносили кирпичи, разбирая печи – работа шла полным ходом. Но это обстоятельство ничуть не обрадовало – теперь у него не осталось и того дома, который подсунули им вместо их квартиры. Разве что баня, малопригодная для жилья. Вокруг дома образовались кучи строительного мусора – доски, земля, вещи, оставшихся от прежних хозяев. Рабочие с любопытством разглядывали его, что-то обсуждая между собой, поглядывая с любопытством в его сторону. Это было неприятно, но прятаться в бане не хотелось, да и за вещами нужно было присматривать.

– Эй, пацан, ты близко не подходи, доской попадут, убьешься... – крикнули ему.

– Ты бы пока свое собрал, а то мужики мебель перенесли, а о тряпках и всякой мелочи я не стал просить – завалят или поломают, – попросил, наверное, бригадир. – Ты в стайку на пол брось чего-нибудь, да и сноси туда. А то прям посреди двора все валяется – завалим, измараем, потопчем.

– Тут где-то Леха с Серегой бегали, помогут, – подошел дядя Матвей, сунул пальцы в рот и громко свистнул.

Из-за угла дома выскочили двое пацанов. Один, долговязый, – его ровесник. Выглядел он озабоченным, в рабочей одежде, чем-то похожий на Матвея Васильевича. Сын, наверное, решил Кирилл. Второй был года на три младше, коренастый крепыш. И оба рыжие.

– Идите сюда! Знакомьтесь, сосед наш будет, – нахмурившись, сообщил им Матвей Васильевич. – Хотели чем-то заняться, вот и помогите парню.

Оба смотрели на Кирилла приветливо, улыбаясь.

– Я Леха, а он Серега, а тебя Кирюха зовут, мы уже знаем, – представился тот, что был помладше. – А мы твою мамку видели. Она сначала брата вашего искала, а потом в больницу пошла, – сообщил он.

Тот, что был постарше, дернул брата за пальто, потянув на себя.

– Думаешь, он не знает? Давай показывай, чего там у тебя, – развязно попросил парень. Сергей старался выглядеть взросло, говорил нарочито грубоватым голосом. – Дядя Матвей сказал, надо вещи сносить.

Кирилл сразу представил, как мать обзванивает больницы и знакомых. И заволновался, вспомнив слова, брошенные в запальчивости. Значит, у Штернов Сашки действительно не было, иначе мать обязательно сообщила бы об этом. После того, как жизнь немного наладилась, смерти Александру он уже не желал. Конечно, если еще раз поднимет на мать руку, лучше его убить, но прежний Александр не позволял себе даже грубого слова.

И внезапно поймал себя на мысли, что думает, как мать.

Ребята, увидев его обеспокоенное лицо, смотрели на него с тревогой, поняв, что сболтнули что-то лишнее. Не говоря ни слова, Кирилл быстро вернулся в баню, вытащил сотовый телефон из сумки, набрал номер матери.

– Кирюш, Саша вернулся? – услышал он голос матери, в котором чувствовалась надежда.

– Нет... а ты... не нашла его?

– Нет, но соседи видели, что его новая машина стоит под окнами во дворе, там, где раньше наша стояла. Я просила их сходить к нам, там Ирина и этот... Они сказали, что Саша еще вчера ушел из дома. Они поссорились. Я звонила им, но на мои звонки не отвечают, – пожаловалась мать. – Один раз только сказали, чтобы я их больше не доставала. И Саша трубку не берет. Как бы чего не сделал с собой.

– Может, телефон в квартире оставил, – предположил Кирилл, почувствовав облегчение. – Mam, а ты скоро вернешься?

– Ну... – мать замаялась. – Девочки попросили им помочь... Ознакомилась с картами, сейчас у меня обход. Тут трое тяжело больных. Один с печенью, у одного перелом, а третий с ножевыми ранениями. Его на дороге подобрали, личность пока не установили, выясняют. Крови много потерял.

Надолго, усмехнулся Кирилл. Мать принялась за старое. Но, по крайней мере, для нее жизнь вошла в привычное русло. Он порадовался. Хоть что-то хорошее. Когда она работала, ее болезни отступали.

– Ты покушал? – строго спросила мать.

– Да, мам, за меня не переживай, я в порядке. Ты позвони мне, если Сашка объявится.

– Обязательно, – пообещала мать. – Кота не забудь покормить, оставь ему блюдечко с молоком. Может, поест... Говорят, семейство кошачьих в доме к отсутствию мышей... – пошутила она.

Леха с Серегой стояли около двери, не решаясь ни войти, ни уйти, препираясь друг с другом. Кирилл тоже молчал, не зная, как начать разговор. Ему было неудобно, что чужие люди будут на него работать, отплатить ему было нечем, но, глядя на вещи, сваленные в беспорядке, он понимал, что нуждается в помощи – вещей было много. Их уже и потоптали, и

завалили землей с чердака. А ребят, кажется, больше интересовал вопрос, почему он так удручен, почему не рад тому обстоятельству, что он в Черемушках.

– А мы там живем! – младший Леха выскочил за открытые настежь ворота, показав в сторону дома с красной крышей через две улицы. Дом почти не был виден, и Леха направился к забору, чтобы Кирилл мог получше его рассмотреть, надеясь, что тот последует за ним.

– Дядя Матвей – мамин брат, – объяснил Сергей. – Он с нами живет, только вход в квартиру у него с другой стороны. У нас дом двухквартирный.

Кирилл пошел вслед за ребятами. Дом ребят был большой и новый, из красного кирпича.

– А у нас в городе квартира была. И лоджия. А в подвале клуб компьютерный... – Кирилл с горечью вспомнил оставленную квартиру. Забытая за ночь обида вспыхнула с новой силой, но не такая злая, как прежде.

– И что сюда переехали? Из города к нам не переезжают. Обычно, наоборот, – удивился Серега.

Леха толкнул его в бок.

– Говорят, у вас мать больная, а брат пьет и деньги проиграл... Много. Он на Ирке Яшихиной собирался жениться.

– Яшихиной? – удивился Кирилл.

– У нее отца зовут Яша... Яков Самсонович. Она уже третьего в деревню переселила, а сами все в город потихоньку переезжают. Сначала дядя ее, Родион Агапович, потом сестра, теперь вот и мать собралась. Один жених уже уехал, не стал жить, а один дурак дураком, им с сестрой вернуться некуда.

Кирилл почувствовал, как жаром налилось лицо, представив, как над ними смеется все село – все те люди, которые работали на доме. Он был готов провалиться сквозь землю. Эти двое, пожалуй, единственные, кто отнесся к нему по-человечески, проявляя любопытство и сочувствие.

– Как третьего? – прищурился Кирилл. – Сашка наш – третий?

– Ну да, – без обиняков подтвердил Леха. – Дядя Матвей и дядя Артур, когда узнали, возмутились очень. Даже предупредить вас хотели, но потом, когда выяснил, что мамка у вас болеет, да еще врач... Она у тебя доктор докторов?

– Доктор медицинских наук. Она профессор, преподавала в медицинской академии, – объяснил Кирилл.

– Ну вот, доктор докторов, – согласно кивнули оба. – Решили, что не надо вмешиваться, вашей мамке здесь лучше будет. Только с Родионом сильно ругались. Я сам слышал, как они обещали его засудить, если вам другой дом продадут или по высокой цене, – подтвердили ребята догадку Кирилла. – Они-то сначала вон тот хотели подсунуть, – Серега показал на покосившийся домик неподалеку.

Кирилл ужаснулся, облившись кровью.

– ... и все черемуховцы на суд поедут, – долетело до него. – Вот они и испугались!

– А правда, у тебя мамка докторов лечит? – с любопытством подивился Леха.

– Не докторов... А доктор медицинских наук, – раздраженно поправил Кирилл. Парень учился в пятом классе, а не разбирался в таких элементарных вещах. – Она придумала операцию, которая лечит у людей то, что раньше не лечили. Она хирург, но может и терапевтом, и стоматологом, и анестезиологом. Прошла обучение, как врач общей специализации, заведовала хирургическим отделением в областной больнице.

– Ух, здорово! – Серега уважительно посмотрел на Кирилла, и тут же перевел тему: – А у нас дома есть компьютер, нам дядя Матвей подарил на прошлый новый год.

Удрученный вид Кирилла ребята, очевидно, отнесли на свой счет.

– У меня тоже... и у мамы есть, свой, она на нем докторскую диссертацию писала, – не думать о сплетнях не получалось, лицо у Кирилла продолжало гореть. – А кто те двое? Ну... перед Сашкой?

– Да, ладно, не парься, – пренебрежительно махнул рукой Серега. – Штерны у Авдотьи учились колдовать, а она, знаешь ли, сильная была ведьма, – в голосе его прозвучала гордость. – К ней из города приезжали лечиться. Говорят, у нее черти в подполье жили, и петух по ночам кукарекал!

Оба парня уставились на Кирилла выжидательно, с масляным любопытством, дожидаясь подробностей.

– Колдунья? – Кирилл забыл о том, что убит горем. – Какая Авдотья?

– Как, какая? Вы ж в ее доме живете, – изумился Серега непросвещенности Кирилла. – Ее мертвой нашли, а потом Родион ее дом на себя переписал.

– Ей голову проломили! Крови море было! – возбужденно и почему-то полусшепотом поведал Леха, таинственно и влажно сверкнув глазами. – Лежала, как живая! Не дышала только. Я сам видел, мы с дядей Матвеем приходили. Врач сказал, старая она, чтобы вскрытие делать, так и оставили в дома. Только покойников нельзя одних оставлять, а эти... – он таинственно помолчал. – А когда утром пришли, она пропала.

– Нет, гроб-то похоронили... Но не открывали! – подтвердил Серега.

– Говорят, будто с того дня ее видят то тут, то там, все больше в захаровской стороне, – опять с заговорщическим и таинственным видом поведал Леха. – А еще говорят, что черти ее утащили, а душа бродит, раз свои колдовские способности не передала никому. Колдунам просто так нельзя умирать.

– Врут, наверное, – постарался разрядить обстановку более спокойный и уравновешенный Серега. – Точно никто не знает. Ее родственники потом весь дом перерыли, все искали чего-то. Деньги, наверное. Раз лечиться приезжали, платили, наверное, хорошо. Прятала где-нибудь. У нее в доме точно клад зарыт.

– И что, нашли? – известие о кладе ему понравилось, надо было сначала самим осмотреться – деньги бы им не помешали.

– Наверное. На что-то же они покупают квартиры – они дорого стоят, – ответил Леха расстроено. – Мы с утра тут все углы облазили, нет ничего.

– Без меня! – возмутился Кирилл. – Клад принадлежит тому, на чьей он земле. Если дом наш, то и клад наш!

– Ваши только двадцать пять процентов, и то, если найдете, – уверенно заявил Леха. – Остальные – государственная собственность! Но мы бы не отдали, – помечтал он. – Я бы себе мотоцикл купил! Мне еще в прошлом году обещали.

– Можно за грибами ездить и за ягодами, а еще на рыбалку! – поддержал его Серега. – Если в медвежий угол, то можно с сетью, там ни за что не поймают. Главное посмотреть, кто из егерей дома, – добавил он уверенно, проявляя деловую хватку.

– А если дядя Матвей узнает, что вы баклуши бьете, он вас с собой в следующий раз и на катере не возьмет, – строго прозвучало за спиной. – Бездельничаете? Клады ищите? А пока ищите, убытки растут!

Матвей Васильевич выглядел сердито, но глаза его смеялись.

Виновато спохватившись, ребята переглянулись и вернулись во двор.

Сначала уложили настил из досок в сарае, куда перенесли коробки с книгами, мягкими игрушками, одежду, которая пока была не нужна. Стиральную машину Кирилл занес в предбанник, там же разложили прочую бытовую технику, которая могла им понадобится. Утюг, миксер, кухонный комбайн, мамину швейную машинку, электроплитку, приобретенную накануне переезда, чайник. Диваны и кресла покрыли газетами и картоном от разобранных коробок.

На ужин ребята пригласили Кирилла к себе. По дороге оба наперебой рассказывали, как замечательно жить в Черемушках, особенно летом, пообещав взять на танцы. Первым делом, его просветили, которые из девчонок уже заняты, а которые еще свободны, которые соглашались целоваться и на кое-что еще, а к которым лучше не соваться, и пообещали сходить с ним за реку, чтобы показать новые Черемушки – бывшее село Яровое.

В гостях Кирилл познакомился с черной и лохматой собакой Мальвой, весело машущей хвостом. Потягиваясь, собака вылезла им навстречу из своей будки, обнюхала и залезла обратно, прихватив кость, брошенную в миску.

Родители Лехи и Серегги оказались очень мягкими и сердечными людьми, замучив Кирилла расспросами, как они провели первую ночь. Кирилл уже подозревал, что и им не терпелось услышать, не беспокоили ли их черти. И долго возмущаясь, искренне жалея мать, пытаясь его убедить, что жизнь в Черемушках не так плоха. Оптимизма ребят и их родителей Кирилл не разделял, но день прошел незаметно.

Когда Кирилл вернулся, люди еще работали, и разошлись, когда стало совсем темно. От дома остался один сруб. Мать хлопотала по хозяйству. По ее спокойному виду Кирилл догадался, что Александр нашелся. Это обстоятельство добавило ему уверенности. Ему очень хотелось расспросить ее, но в присутствии Матвея Васильевича, заглянувшего на огонек, он не решился. Мать расспрашивала Матвея Васильевича про работу и вакансии на их предприятиях, из чего сделал вывод, что с Сашкой все в порядке.

На четвертый день, вечером, когда, наконец, они остались одни, он рассказал матери о своих новых знакомых, и о том, что узнал об истории дома и о семейке новых родственников, с которыми вряд ли породнятся.

Над его мечтой о кладе, мать откровенно посмеялась, щелкнув по носу.

– Какой же ты у меня еще маленький! Давай-ка спать ложись, завтра разбуду рано. Собирай портфель. Документы я директору отдала. Кстати, школа мне понравилась.

Кирилл пытался запротестовать, ему хотелось дождаться Александра, но мать заявила, что сначала сама поговорит с ним, и Кириллу лучше при этом не присутствовать.

Спорить с матерью было бесполезно, и, наверное, она была права. Тяжело вздохнув, Кирилл отправился на чердак, по дороге заглянув в холодный дощатый пристрой к бане, в котором лежали дрова. Блюдечко с молоком осталось нетронутым. Тот факт, что кот не появился, пренебрегая дарами, его огорчил. Он не забыл, что теперь мог позволить себе иметь животное, но кот, скорее всего, был соседским.

А жаль, кот ему понравился.

Уже в полудреме он услышал, как приехал брат. Голоса матери и Александра внизу, в предбаннике смешались в приглушенном разговоре. Мать была твердой, а Александр на этот раз больше молчал, покаившись, что видел не этот, а другой дом, и что сделку доверил риелторам, которые готовили и документы, и сдавали их в регистрационную палату, а он не проверил как следует, не заметив, что там, в адресе, вписан другой район.

Поняв, что разговор происходит не на повышенных тонах, Кирилл успокоился. Он еще не знал, что скажет брату, но был рад, что тот наконец-то с ними. Теперь, когда Александр не сможет играть на игровых автоматах, появилась надежда, что брат изменится, и, возможно, разлюбит Ирину, узнав правду не от них, а от людей. Конечно, Александр будет расстроен, но если они будут вместе, то помогут пережить тяжелое для него время – на то они и семья. Только так он мог вернуться к ним – через боль.

Засыпал Кирилл с надеждой.

На следующий день Кирилла разбудили ни свет, ни заря. Он попробовал заупрямиться, чтобы остаться с рабочими, но в ответ прозвучало твердое материнское «нет!».

В последнее время брат и мать редко были так единомысленны, что не могло не радовать. Пришлось подчиниться.

Мать хозяйничала. Предбанник выглядел по-домашнему. Даже каждому нашелся угол. Александра мать поселила в помывочной, переделанной в спальню. На полу растеплили ковер и на окно повесили штору.

Спустившись вниз, Кирилл заметил, что Матвей и мать занимаются чертежами, обсуждая проект реконструкции дома. Мать изредка обращалась за советами и к Александру, пытаясь привлечь к обсуждению, но тот пялился в телевизор, оставаясь равнодушным. Сидел на диване, подавлено уставившись в пространство, машинально переключая каналы. Мать и Александр уже поели, Матвей пил кофе в процессе обсуждения, так что Кирилл завтракал в одиночестве.

Наконец, мать и Матвей до чего-то договорились – мать протянула лист Александру, попросив:

– Саш, мне кажется, в данном случае мы сэкономим, а результат получим тот же. Посчитай, сколько надо будет материала.

Александр взял чертеж из рук матери, повертел в руках. Бросил матери, отодвинувшись.

– Понятия не имею... – с тем же равнодушием пожал плечами, снова уставившись в телевизор.

– Лучше уж скажи, чтобы отстали, – Кирилл почувствовал раздражение. – Мам, он же не собирается жить с нами. Да, Сашка? Он в нашей квартире жить собирается со своей Ирой! Наверное, не знает еще, что он у нее третий городской дурачок. В этом селе. А сколько их вообще было, никто не знает. Ну, давай, иди, живи, что тогда тут делаешь?

– Ты че привязался? – бросил Александр со злостью. – Да, мы поссорились, да, я собираюсь вернуться в город, да, я не собираюсь жить здесь... Даже если не с Ириной, я все равно здесь жить не собираюсь! – заявил он твердо. – Ирина не заставляла меня играть на автоматах. Сказали бы спасибо, что Родион Самсонович помог выкупить квартиру, – взвинчено прикрикнул он. – Конечно, с домом он поступил... Но я его понимаю. Я съездил, посмотрел, район мне понравился. Откуда им было знать, что я понятия не имею, где это? Если я вам не нужен, – Александр вскочил, беспорядочно бросая в сумку то, что попадало ему под руку, – хорошо, замечательно, я уезжаю!

– Саша, а ты не хочешь предварительно поговорить с людьми, которые такими же умными словами бросаются? – вступил в разговор Матвей с насмешкой. – Мы тут не год, не два, всю жизнь на семейку эту любимся.

– А ты кто такой, чтобы я вас слушал? – остановился Александр, с неприязнью уставившись на Матвея Васильевича. Подошел к столу, протянул руку за ключами от машины.

Матвей перехватил ключи, надел на палец, кивнул на стул. Кирилл облился холодной испариной: Сашка был в полтора раза крупнее дяди Матвея.

– Сядь! – приказал он. – Машина матери пригодится. У нас летом грибы, ягоды, веники, охота и рыбалка, а автобусы рейсовые в лес не ходят. Ты уже достаточно в ту семью отдал, и остановиться без специальной помощи не сможешь. Ты еще документы на машину оставь, пожалуйста, – попросил строгим голосом. – Давай посчитаем... Я твоей маме верю. Офис, база... Сколько это? Двадцать миллионов? Техники... четыре камаза, строительный кран... Еще пятнадцать. Квартира четырехкомнатная – еще семь. Итого сорок два. Тебе не кажется странным, что все это теперь принадлежит Родиону? Машина у него новая, квартира... Повезло ему нарваться на бизнесмена! И как-то так получилось, что все твои долги точненько уложились в то, что у вас с матерью было!

– И что, ну забрали машину... Надеетесь, что начну собирать ваши сплетни? – усмехнулся Александр, внезапно натолкнувшись на сопротивление. Очевидно, он помнил, что Матвей Васильевич здесь был начальником и пользовался уважением, а там, за дверью было не меньше пятидесяти человек, которые скрутят его в одно мгновение. – Да кто вы такой, чтобы

меня учить? Документы надо? – Александр гневно вывалил вещи из дорожной сумки, швырнул пакет с документами в Матвея. – Подавитесь! Что тебе еще, мужик? Поселиться здесь решил? Ну-ну! – он перевел взгляд на мать, внезапно меняясь. Теперь лицо его исказила ухмылка. – Мать, ты с ним уже переспала, или этот деревенский урод пока только подъезды делает? Собираешься подобрать это деревенское чмо?

Матвей спокойно подобрал документы, и встал напротив Александра. Александр раскраснелся, кривился, сжимая кулаки, но дядя Матвей был спокоен, как удав. Глаза матери тоже налились кровью ненависти и презрения.

– Сашенька, а где ж мне лучше-то взять? – ядовито процедила она. – Ты ж меня в эту деревню... Из-за деревенской шмары! Я еще не старая, мне едва за сорок пять. Я, знаешь ли, ягодка опять! В моем возрасте бабы еще деток рожают! Так что, ты иди, иди, а мы тут как-нибудь сами, без тебя! Все, что можно было – все в твоей новой семье, из-за которой ты нас еще убьешь... Иди! Мне, вон, Кириюшу надо от тебя спасать. Не собираемся мы хоть как-то судиться и рядиться. Бог вам судья! Матвей, отдай ему ключи, пусть уезжает!

– Давай, – Александр протянул руку.

– Отдам, но сначала посидишь и послушаешь одного человека, – холодно заявил Матвей, открыл дверь и попросил: – Славу позовите!

Через несколько тревожных и гнетущих минут в комнату зашел парень, лет двадцати пяти, одного возраста с Александром. Одет он был в зеленого цвета ватник и такие же штаны. Внешность обыкновенная, но спустя мгновение Александр задергался, стараясь на парня не смотреть. Из рта Славы текла слюна, руки дрожали, глаз подергивался.

Кирилл застыл, впервые увидев человека, место которого было в психиатрической клинике.

– Вы что-то хотели, дядя Матвей? – спросил парень и как-то странно начал моргать.

– И что, мне надо слушать это урода? – Александр усмехнулся, разваливаясь в кресле, сложив ногу на ногу, оскаливаясь в усмешке. – Ну, начинай!

– Этот урод, жертва твоей необычайно умной невесты, – дядя Матвей тоже ухмыльнулся и посмотрел на Александра свысока. – В свое время, то бишь, три года назад, это был очень интересный молодой человек, – Матвей обратился к Славе. – Как твою девушку зовут?

– Ирина Штерн, – слегка заикаясь, сказал Слава. – Она не будет любить вас, если вы станете говорить о ней плохо... – парень затряс головой и сунул в рот палец, кусая его до крови, но как будто не чувствуя боли.

– С кем теперь Ирина, невеста твоя? – ласково спросил Матвей.

– Здесь! – блаженно улыбнулся парень, показав на свою голову. – Смотрит на меня сверху, – у парня вдруг покатились слезы, он уперся в стену и начал биться головой. Пена изо рта у него не шла, но он держался руками за голову, царапая себе глаза, повалился на пол, начиная дергаться в конвульсии.

Александр брезгливо от него отодвинулся.

– Ты что несешь, козел! – лицо у Александра вытянулось.

– А теперь я расскажу его историю... На, Славик, поешь, – устало вздохнул Матвей, присаживаясь на стул и протягивая Славе бублик и кружку кофе, когда тот пришел в себя. Он снова улыбался, как будто не помнил, что с ним только что произошло, только улыбка была блаженная.

– Закончил парень институт. Горный. Познакомился с Ириной, привел в дом. Сначала воровать начал у родителей. А потом мать узнала, что спит она не только с сыном, но и с отцом. Пробовала выгнать, а получилось наоборот – отец их выгнал. И жену, и дочь, и сына. Вот тогда-то Ирина и предложила их отцу купить им полуразвалившуюся хибарку в Черемушках, а, чтобы квартиру не отсудили, оформить ее на себя. Такая вот... история!

Александр криво усмехался, но сидел на месте, не пытаясь встать.

– Кстати, матери твоей развалюху готовили не лучше, – с насмешкой продолжил дядя Матвей. – Можешь посмотреть на нее, ее хорошо отсюда видно. И поверь, если бы не вмешался Артур Генрихович, жить бы вам на улице! – закончил он.

– У него же черепно-мозговая травма, – заикаясь, вдруг заговорила мать, подсаживаясь к Славе, погладив его и пододвинув тарелку с сушками.

– Но доказать мы ничего не можем, – бросил с неприязнью дядя Матвей.

– Его в больницу надо, – предложила мать.

– Не надо, заколют его там, хуже только сделают, – решительно воспротивился Матвей. – Сами поднимем, сейчас получше уже стало. Держу его в бригаде, чтобы среди людей был. То поднесет, то переложит, все какие-то деньги. Он еще по инвалидности получает, мы ему пенсию истребовали. Понимать что-то начал, а то вовсе памяти не было. Авдотья – та умела лечить, – он с сожалением покачал головой. – Это болезнь со временем проходит иногда.

– А что же они, ссорились? – поинтересовалась мать. – Она вроде им как бабушка?

– Да нет, – поморщился Матвей. – Отца она приветила, жили лет шесть. Тогда и дом построили. А потом муж ее бывшую жену с пацанами привез. Поначалу вроде как, чтобы не мыкались одна, чтобы дети были рядом. Авдотья добрая была, жалостливая. Встретила бывшую по-человечески, привечала, а как муж умер, помогала с сыновьями, учила. Они не родные ей.

Он снова обратился к Александру, успокоившись.

– Иди, я даже рад. Когда черепушку пробьют, наверное, суд примет во внимание, что двое удивительно одинаково выглядят и мыслят, и оба собирались жениться на одной и той же девушке.

– Хм, – Александр все еще улыбался, но в глазах его застыл испуг. – Вы хотите сказать... И что? Это ничего не доказывает, вы сами сказали... Не Иринка их из дома выгнала, а отец.

– По непонятным причинам, вскоре отец их умер, прострелил себе голову, – словно бы наслаждаясь, продолжил Матвей Васильевич, кивнув на Славу. – И странно, да, когда Славка узнал, что отца нет, поехал Ирину искать. А вернулся к нам – вот такой! Мать у них тоже умерла. Сердце не выдержало, когда поняла, что с сыном сделали. Только сестра у него и осталась. Иди-ка сюда, – Матвей взял руку Александра против его воли и положил ее на лоб Славы, пальцем поведив по черепу, успокаивая Славика, который испуганно вздрогнул.

Александр тут же отдернул руку, побледнев.

– Что там? – мать тоже склонилась над парнем. И тоже побледнела, как полотно. – Боже мой! Боже мой! Но это же... – она сдавленно вздохнула, прохрипев, повалилась рядом, стараясь дышать глубоко. – Такое мог сделать только врач! Боже мой, лоботомия!

– Такое могут сделать деньги. Большие деньги, которые вы им оставили.

Александр теперь сидел с вытянутым лицом. Кирилл не удержался и тоже пощупал то место на лбу, которое так напугало и мать, и брата. На лбу парня, чуть выше переносицы, в черепе прощупывалась ровная круглая дырка чуть меньше сантиметра в диаметре.

– Саша, посмотри на себя со стороны, – Матвей показал рукой на его лоб. – Ты выставил мать и брата из квартиры. Ради людей, которых знаешь всего год. Что они тебе дали? Покажи мне здесь хоть одну вещь, которая принадлежала бы им. Так за что ты так стараешься их оправдать? Почему плюешь на людей, которые тебя любят?

– Дом, – произнес Александр автоматически, наморщив лоб.

– Дом куплен, причем за большие деньги! – констатировал Матвей Васильевич. – В сорок два миллиона он вам обошелся. Он таких денег не стоит. Ты хоть какие-то чувства брата и матери чувствуешь? – с жалостью спросил он. – Нет? А почему? Это внушение, гипноз, приказ. Саша, ты у нас уже третий такой в деревне. Мы ведь и бабушку их, Авдотью, хорошо знали – и каждый скажет, знахарка была сильная. И порчу умела напускать. Поначалу учила она их, они ведь не сразу такими стали. Свой-то сын у нее погиб, когда людей спасал. Упырь ты, если не

одумаешься! Давай-ка лучше память свою проверь... – Матвей протянул Александру проект, сделанный матерью. – Человек ничего не забывает, все помнит, если голова как надо работает. Мать говорит, что ты расчеты по материалам делал. Да и как не делал, если строительную фирму возглавлял! И четыре курса строительного института, которые теперь коту под хвост. Всего год оставался. Так оно и бывает, когда у человека амнезия. Обсчитай! – приказал он.

Александр долго смотрел на него и, наконец, признал, сумрачно изменившись в лице:

– Мать, я не помню... Вернее помню, но... – он нахмурился. – Как будто не со мной это было. Не понял... – внезапно испугался он еще больше.

Кирилл и мать переглянулись. Лица их напряженно и выжидательно вытянулись, взгляды устремились на Александра.

– Что? Я сказал что-то не так? – он смотрел то на мать, то на Матвея Васильевича.

– Саш, как ты можешь не знать, если для папы ты делал такие расчеты? – взгляд матери уставился на Александра с тревогой.

– Да, Сашка, много раз, – подтвердил Кирилл. Он вдруг снова вспомнил свой сон, почувствовав пронизывающий холод. И брат, и Славик – оба могут умереть, если прикажут, как библейские Сапфира и Ананий. Люди все отдавали – все, что было! Сон был вещим, и он учил его.

– Да? – взгляд Александра рассеяно скользил по бумаге.

– Саш, длина фасада по периметру здания увеличивается при расчетах на... Ну!... Ну! ... – мать пыталась подсказать ему, но Александр лишь пожал плечами.

– Мам, я не помню, – повторил Александр. – Голова что-то заболела, – он, вернулся на диван. – Я прилягу, – попросил он. – В последнее время голова болит часто. Я старюсь об Ирине не думать, но при ней такого не бывает. Вы хоть и не принимаете ее, пусть она обманщица, стерва, но мне с ней хорошо было. И сейчас хорошо, когда думаю о ней. Когда уж вы это поймете? Неужели же при плохом человеке можно выздоравливать?

– Теперь я понимаю, почему его выставили из института, – опешила мать.

– Можно, Александр, можно! Так оно и бывает, – вздохнул Матвей. – С чего ты заболел-то? И с чего вдруг твоя болезнь стала настраиваться на определенного человека? Болезнь она или есть, или ее нет. Саша, речь не о твоей бывшей невесте, о тебе! Бывшая, потому что ты им больше не нужен. С нами они тут ни с кем не поделились, ни со Славиком, ни с его сестрой, ни с тем парнем, который прожил здесь полгода и уехал. Мы даже не знаем, где он и что с ним. И тоже грезил. Авдотья сама его поднимала, он первый был. Она тогда еще живая была, так что повезло ему. Он ведь чуть ума второй раз не лишился, когда она его в чувство привела, да и увидел, что в землянке живет, – Матвей говорил уже спокойно, без иронии. – Пойдем Славик, я работу тебе дам, будешь мусор в машину носить.

Матвей Васильевич и Слава ушли. Мать нервно мерила шагами комнату, заложив руки за спину.

– Мы лишь попросили тебя посчитать! Твои навыки нам бы оченьгодились. Если хочешь жить там – живи! Но помоги хотя бы обустроиться, – попросила она. – Ведь люди работают! – мать немного успокоилась. – Шла вечером, со мной здороваются, узнают уже. Я не собираюсь никому портить жизнь и пить кровь. Ты взрослый человек, но есть еще Кирилл. Поэтому, Сашенька, напрягись, вспомни, пожалуйста, как расчеты делаются, у нас дома этим занимался ты! – и неожиданно для Кирилла, предложила Александру: – Давай-ка я тебе голову помассирую!

– Зачем? Не надо, пройдет.

– Раньше тебе это нравилось, помогало сосредоточиться, – не моргнув глазом, уверенно и твердо солгала мать, глядя Александру прямо в глаза.

Кирилл согласно кивнул, поддерживая мать.

– Мам, да нет у меня ничего! – отмахнулся Александр. – Мало ли кто ему голову пробил. Ну, хорошо, – согласился он, раздражаясь. – Помассируй, раз помогает!

Кирилл не стал смотреть, как мать устраивает брату осмотр. Он видел, как ее ловкие руки прощупывают каждый миллиметр его черепа. Он никогда не видел, что бы мать массировала голову Александра раньше, в крайнем случае, гладила – и то, что брат отодвинулся, говорило лишь о том, что он что-то да помнил – память его работала. Но предстояло выяснить, насколько серьезно он повредился в уме. Сам Александр оценить ущерб, похоже, был не в состоянии, его память перестала быть многофункциональной, а он этого даже не заметил: катился в яму, закрывая для себя все пути, чтобы снова подняться.

Когда Кирилл вернулся, осмотр уже закончился. Александр спал, подогнув под себя колени. Мать взяла сумку, бросив туда документы и ключи от машины, жестом позвала Кирилла на улицу.

Он взял портфель, вышел следом.

По дороге Кирилл заметил, что мать дрожит. Он шла быстрыми шагами, не оглядываясь и не дожидаясь его. Он не успевал за нею, ему то и дело приходилось бежать.

Наконец, он не выдержал:

– Мам, может, скажешь, что там у Саши?

– М-м-м... – она поджала губы. – В том, что у него есть последствия черепно-мозговой травмы, я уже не сомневаюсь. Так оно и бывает. Но не могу вспомнить, когда это могло случиться. Он не падал, не дрался, не приходил с синяками.

– Ты что-то нашла? – остановился Кирилл, схватив ее за рукав и развернув к себе.

– Нет, ничего подобного, как у Славы, у него нет, но я не уверена. Нужно делать обследование. Но есть нечто, похожее на укол, чуть выше переносицы, – она ткнула пальцем себе в лоб. – Осталось воспаление и припухлость, – мать пошла тише, задумавшись. – Видимо позавчера. Он, когда приехал, начал доказывать, что задержался всего на один день, а его не было... два дня и три ночи!

– А зачем? – Кирилл пытался сообразить, зачем это кому-то понадобилось.

– Понимаешь... – она остановилась, уставившись под ноги. – Для некоторого кодирования, чтобы его нельзя было снять, применяют сильную боль, которая к тому времени, когда он встанет, проходит. Они же знают, что я врач, и мне не трудно вернуть его в нормальное состояние. В смысле, объяснить, насколько он здоров или болен. В этой области я для него непререкаемый авторитет. И все же... Боже, зачем мы его оставили? – всплеснула она руками. – Как я могла этого не понять, не заметить, думать, будто все хорошо, и что мой сын просто влюбился не в того человека?

Затравленный взгляд матери смотрел в одну точку, не замечая, что происходит вокруг, Кирилл едва успел отгасить ее в сторону, когда по дороге к их дому проехал еще один груженный КАМАЗ с кирпичами и пиломатериалом.

– Мам, на нас люди смотрят. Давай отойдем, а то ты как маленькая топчешься. Ты ж не просто так, ты главный врач! – напомнил Кирилл. – Кстати, ты заметила, ты почти не кашляла утром.

– Я принимаю еще одно лекарство, – улыбнулась мать. – Артур Генрихович посоветовал. Ему из Германии прислали. А в больнице антибиотик импортный нашла, хороший очень. Я подумала, может, на бронхиальную астму какая-то инфекция наложилась. Есть много неоткрытой заразы. Честно говоря, удивлена. Хорошая больница. Кирюш, главврач тоже человек... Я спасаю людей, а сына спасти не могу.

– Мам, а поставить укол в череп... и лоботомию сделать, как у Славы, это трудно?

– Специалист работал, – кивнула она. – Спил у Славы профессиональный, сделан специальным инструментом. Надо знать, как и что. Любое вмешательство такого рода может вызвать любые последствия – от эпилепсии до полной потери памяти. И кто мне скажет, в руках каких мошенников побывал мой сын?

– Значит, кроме Иринки и ее дяди Родиона, им еще кто-то помогает, – выдвинул Кирилл предположение. – Подумай сама, Иринка на третьем курсе... едва закончила. Она даже не настоящий врач, она психолог. Мам, помнишь, когда ты занималась со мной, ты утверждала, что память нельзя потерять: надо лишь найти инцидент, вспомнить его много раз – и тогда процесс восстановления проходит быстрее? Может, нам просто заставить Сашу вспомнить детали? Если долго мучиться...

Мать покачала головой.

– Да, ты прав. Они забрали у нас фирму, квартиру, сына. Возможно, мужа. Папа всегда был аккуратен за рулем, обычный день, никуда не спешил. Я уже ни в чем не уверена. Но как такое возможно? – руки у матери опустились. – Чтобы так запрограммировать человека, нужно специальное оборудование, которым пользуются военные. Мы не диссиденты, я не выступаю с антигосударственной пропагандой... И не государству все досталось, а мошенникам.

– И тем, кто с ними заодно, – пожал плечами Кирилл. – За такие деньги они могли десять квартир купить. Я просто уверен, что Сашку на автоматы они же посадили. Нет, кто-то еще есть, тот, кто забирает львиную долю.

– Ну да, – согласилась задумчиво мать. – С другой стороны, если бы они могли так обойтись с любым человеком, давно уже были бы миллионерами. Получается, Саша наш оказался слабым звеном? – она достала носовой платок, высморкалась, вытерла глаза, поправив подводку. – Кир, иди-ка ты домой и посмотри за Сашей, – вдруг передумала она тащить его в школу. – Никуда не отпускай. Желательно, чтобы он лежал в постели. Хотя, – она махнула безнадежно рукой, – вряд ли ты сможешь его удержать. Но проследи, чтобы он не поднимал тяжести, и не лез туда, откуда можно упасть. В общем, Кир, посмотри за Сашей. Сейчас ему нужен покой, а я попробую что-нибудь из лекарств подобрать.

Освобождение от школьной повинности Кирилл сразу счел благоразумным, пропуская мимо ушей последующие наставления. В школу его не тянуло. Он никого там не знал, и желания идти туда, пока по деревне о них болтали, не испытывал. Он еще не успел осмотреть дом как следует и, вопреки насмешкам матери, верил, что клад существует. Кроме того, по всему огороду валялись старые вещи бывших владельцев, и там было такое, что он видел впервые.

Мать поправила ему воротник и развернула:

– Иди! – слегка подтолкнула к дому. – Если что – что?

– Позвонить! – уверенно ответил Кирилл.

– Молодец! – похвалила мать, помахав рукой.

Кирилл вприпрыжку кинулся в сторону дома. За ночь заморозило, и теперь снег хрустел под ногами. Из печных труб к небу поднимался сизовато-голубой дым, принося с собой запах хлеба. Многие в Черемушках пекли его сами. Звезд уже не было, но все еще висел побелевший рожок полумесяца, а само небо казалось бескрайним. Кириллу даже почудилось, что он в сказке «Вечера на хуторе близь Диканьки», когда закончилась рождественская ночь. Такого неба в городе точно не увидишь. Где-то неподалеку закукарекал петух – и ему ответили издалека. И тут же залаяла собака, и снова ей ответили, словно переговаривались. Нехотя вылез из будки дворовый соседский пес за оградой, прислушался, но не присоединился, очевидно, вспомнив, что Кирилл почти свой. Обнюхал кость и залез обратно в будку.

Наверное, таких чувств Кирилл никогда не испытывал. Такие же просторные и пространные, как пространство от горизонта до горизонта. Даже когда они ездили отдыхать на дачу к подруге матери тете Августе. Там он знал, что может вернуться в город – туда, где его дом, теперь чувства были противоположные: он скучал. Это был потерянный уголок рая. Но вдруг с удивлением понял, что боли нет. А когда дошел до дома, который внезапно перестал быть домом, пугая остовом, ему вдруг захотелось не останавливаться, а идти, идти по асфальтовой дороге дальше.

Глава 5

– Саш, а это что? – Кирилл вертел в руках предмет, состоящий из рамки с вставленными в нее множеством тонких деревянных пластин, отшлифованных так, что на ощупь они казались шелковистыми.

Брат повертел вещь в руках, пожал плечами.

– Наверное, что-то от станка, может быть, ткацкого... Выброси, зачем тебе?

– Саш, может, придумаем куда их... – приятные на ощупь пластинки выбрасывать было жалко, второй раз такие не достать. – Смотри, какие!

– Давай, бросим пока на стайку, потом придумаем, – предложил брат, заинтересовавшись. – Если вот так накрест наклеить на мебель или стену, будет здорово, можно штору сделать, тоже прикольно получится. Тут и дырочки готовые. А это у тебя что?

– Круг какой-то, ногой жмешь, он крутится.... Саш, смотри! – Кирилл хохотнул, развлекаясь.

– А я знаю, в музее видел, прядильная машина. Сейчас уже электрические есть.

– Саш, а где бы ты спрятал клад, если бы старым был?

– Не знаю... Где-нибудь в подвале, или между бревнами... Хотя нет, будет пожар, все к чертовой матери сгорит. Закопал бы в огороде.

– А на чердаке?

– Вряд ли.

– Почему?

– Старому человеку лезть на чердак? Опять же, сгорит, если пожар, – брат пожал плечами. – Нет, закопал бы.

Кирилл выдохнул с облегчением. Значит, если клад существует, рабочие, разбирающие крышу, вряд ли его найдут.

– А полы у нас тоже будут менять? – поинтересовался он.

– В пристрое, кажется, собирались. Там пол уложен на стояки, дал неровную усадку. А в капитальной половине вряд ли. Он на фундаменте, половицы, похоже, из дуба – им сто лет ничего не будет. А сверху, я слышал, собираются уложить ламинат.

– Хорошо бы. А копают что? – Кирилл кивнул на экскаватор.

– Отстойные ямы для канализации, газ подводят, траншею для водопровода от колодца.

– Так далеко!

– Чем дальше, тем лучше, их еще закроют сверху. Отстойник близко – начнет вонять или стоки попадут в колодец. Вам повезло, что здесь врач нужен. Я смотрел проект, очень даже ничего. Если получится, как задумано, будет шикарный дом.

– А тебе? – пренебрежение брата больно кольнуло, но Кирилл решил не показывать свою обиду. – И когда это будет готово? – вздохнул он.

– Скоро. Сейчас дом можно за три недели построить. Кто-то сруб готовит, кто-то трубы укладывает, кто-то канализацию. Кстати, я слышал, здесь в одной из бригад отец Ирины работает. Яков... Самсонович, кажется. Как-то неудобно, может, пригласим? – предложил Александр. – Думал, про Ирину что-нибудь узнать, но он явно не в духе.

– Саш, ты чего? Они в нашей квартире живут, а тебе неудобно? – опешил от предложения Кирилл. – Не любит тебя ни Иринка, ни Родион, ни отец ее. Саш, ты поспи, а я пойду, соберу еще чего-нибудь, – и вдруг просиял. – Есть клад! Он клад ищет! Думает, найдут, а он сразу на него права заявит!

– Кир, не подозревай всех, – рассердился Александр. – Яков Самсонович сварщик, у него бригада здесь работает.

– Ну и что? А клад ищет. Другому было бы стыдно в глаза нам смотреть!

– А чего ему стыдиться? – пожал брат плечами. – Не воровал, не убивал. Кирилл, – строго и назидательно приструнил он, – они на законном основании выкупили нашу квартиру. И не надо ничего придумывать. Люди нам помогли, мне, в частности!

Кирилл вышел, но на сей раз собирать вещи не пошел. Достал только старый отцовский военный бинокль. Во-первых, он был зол, потому что болезнь брата не поддавалась лечению, и он чувствовал свое бессилие, а во-вторых...

Странно, что делает здесь отец врага?

Вот и тот, о котором говорил Александр. Глаза вороваты, следит за каждым движением своих товарищей – неприятный тип. О чем-то говорит с кривоватой усмешкой.

Если встать внизу, то, наверное, можно послушать, о чем они разговаривают...

Кирилл слез с сеновала, подобрался поближе к бригаде.

Он не ошибся: отец Ирины возмущался, что дом строят для приезжих, когда местным жить негде. Но его не поддержали, заметив, что дочка его перебралась как раз в квартиру этих приезжих, и эта приезжая уже проводит сложные операции. Нашлись и те, кто с Яковом Самсоновичем согласился. Но по большей части его расспрашивали про Авдотью, про странное ее исчезновение трупа. Яков Самсонович высказал предположение, что унесли ее те, кто не хотел вскрытия, то есть убийцы или воры, и подтвердил, что многие ценные вещи пропали. А еще заявил, что пока не собирается уезжать, но рад, что дочка устроилась в городе, и пожалел, что она рассталась с Александром – парень ему понравился, да и мать у него культурная.

– Сань, я только что подслушал, что Иркин отец о тебе говорил... Что ты – чмошник поганый... – не краснея, соврал Кирилл, чтобы Александр прочувствовал глубину своего падения.

– Не ври, – не поверил брат. – Что он может обо мне сказать, если не знает меня совсем. Мы с ним ни разу не встречались.

И все же, Кирилл заметил, как нервно дрогнула у брата губа.

– Ну, не говорил... – признался он. – Только я все равно не понимаю, почему тебе нельзя любить меня и маму, почему начинаешь болеть, а когда думаешь об Ирке, то у тебя все проходит?

– Кирилл, это любовь, – объяснил Александр. – Два человека любят друг друга.

– Но ведь она тебя не любит ни капли. И не болеет, – пожал плечами Кирилл.

– Я люблю. Мне плохо без нее, – признался Александр.

– Я не верю, должно быть какое-то объяснение... Тот же Слава, прозомбировали – и любит. Давай поэкспериментируем... Ты же не боишься? – вызывающе предложил Кирилл. – Если это нормально, то ты не должен болеть от того, что любишь меня и маму. Почему ее можно любить, а других нельзя? Я и маму люблю, и тебя, а если девушка у меня появится, то не думаю, что стану чувствовать в отношении вас что-то другое.

– Я ничего не боюсь, – устало выдохнул Александр, понимая, что Кирилл не отстанет.

– Тогда давай так: сначала представь, что ты как будто любишь ее, желаешь ей добра и отдаешь ей много денег. Посмотрим, какое чувство у тебя появится. А потом думай так, как будто ты не о ней думаешь, а обо мне и маме, а про Ирину наоборот, как будто ты пытаешься вернуть то, что она у нас украла.

– Она ничего не крадала, мне ваш бред уже надоел! – взорвался Александр. – Если ты думаешь, что я начну себе что-то внушать, то глубоко заблуждаешься!

– Значит, боишься, – спокойно констатировал Кирилл.

– Хорошо, уговорил, экспериментатор, – согласился Александр, рассмеявшись. – Но я не верю, что будет что-то такое, чего я не жду. Любовь к тебе и маме, это совсем другое. Подрастешь, поймешь. Что там у тебя по плану? – Александр лег на диван, сложил руки на грудь, полуприкрыв глаза.

– Расслабься, закрой глаза и говори мне, что ты чувствуешь и о чем думаешь, – попросил Кирилл, усаживаясь рядом с Александром. – Давай сначала по первому пункту, как будто Ирина твоя любимая.

– Чувствую прилив сил, бодрости. Хочется идти куда-то, что-то делать. Ощущение такое, что я дома с ней, она рядом, голос ее слышу, – Александр сладко зажмурился.

– Но ведь она сейчас не говорит о любви, не отдает ничего, – напомнил Кирилл. – Может, еще что-то есть?

– Боюсь потерять ее... – Александр насмешливо взглянул на Кирилла. – Это ты у тетки Верки научился, психотерапевт хренов? – любопытствовал он.

– Нет, как раз-таки нет, у твоей Иринки, – соврал Кирилл, сразу сообразив, что тетя Вера могла вызывать у Александра изжогу. – Тетя Вера филолог, а Ирка твоя психолог. Саша, но ты уже потерял ее, вы не вместе, ей на тебя наплевать. Значит, то, что она тебе говорит в уме, неправда.

– Мне просто хорошо, когда я думаю о ней, – признался Александр. – Так всегда бывает. Да прилепится муж к жене своей, и станут одной плотью.

– Ну, хорошо, – согласился Кирилл. – Теперь попробуй подумать о нас с матерью.

Минут через пять Александр взмолился.

– Да не могу я о вас думать... Что мне о вас думать? Что-то голова у меня болит и горло... – он потер шею. – Давит... Больно как...

– И да возненавидит он всех близких своих, которые добра желали. Странно да? Тебе даже думать о нас тяжело. А как такое возможно, если тебя не закодировали? – задал он резонный вопрос.

– Ну да, я чувствую, что не люблю вас с мамой, недоволен вами, меня раздражает ваше присутствие... – и внезапно он уже сам начал исследовать свое состояние, несколько опешив. – Кириуш, прости, но ведь это не так! Это не мои чувства!

– Саш, а ты попробуй Ирку свою разлюбить в уме, у тебя вообще крышу снесет, – посоветовал и усмехнулся Кирилл. – Попробуй! Мама сказала, что людей так специально кодируют, чтобы они делали и не думали.

– Хорошо, попробую. Только, Кир, если человек не хочет, его не закодируешь! Например, разведчика, – Александр снова расслабился.

– Значит, в глубине души ты давно мечтал нам отомстить и разорить нас? – поинтересовался Кирилл, подвигая кресло поближе и усаживаясь в нем. – За что? Что мы тебе сделали? И институт давно мечтал бросить? И проиграть столько денег, на которые мог бы объездить весь белый свет? Ты же мечтал побывать в Америке, в Австралии, на Камчатке, как нам папа обещал. Я сегодня понял: если бы люди чувствовали тяжесть или дискомфорт, они бы не стали выполнять команды. Тогда сопротивляться кодированию и гипнозу можно только здравым рассудком, вопреки тому, что чувствуешь.

– Ты опять начинаешь? – рассердился Александр.

– Квартиру ты отдал, но это тебя не беспокоит, а то, что я на твой телефон сел, ты мне все утро выговариваешь, – напомнил Кирилл. – Но квартира намного больше. На нее можно тысячи таких смартфонов купить! Значит, потерять квартиру тебе было приятно, а раздавленный сотик злит? Брат, мне кажется, я должен говорить тебе правду, как дядя Матвей.

– Хорошо, я стараюсь... Что я должен делать? – и вдруг Александр застонал от боли, упал на кровать, схватившись за голову. – Кир, я умираю! У меня веревка на шее! – он скатился на пол. Глаза у него покраснели и покатались слезы. – Ой, как глаза тоже колет! У меня сейчас голова треснет... М-м-м... – он глухо застонал. – Скорую вызывай!

Кирилл испугался, решив позвать на помощь дядю Матвея, но внезапно остановился, глядя на Александра глазами, полными ужаса.

– А ты Славу вспомни! – мрачно произнес он. – Чем ты его лучше?

– Кирилл, заткнись! Звони маме! – прикрикнул Александр, вставая на корточки. – Ой, как больно!

Кирилл выскочил на улицу.

Кажется, у Александра началась паника, он был напуган. И Кирилл не знал, радоваться ему или... Во всяком случае, лечение болезни начинается с ее осознания. И, похоже, Сашка смог пощупать свою болезнь.

Матвея Васильевича он нашел сразу, позвал – и тот последовал за ним, не задавая вопросов. Увидев Александра на полу, Матвей на ходу отодвинул Кирилла, схватил Александра и посадил его, приказав твердым и спокойным голосом:

– Успокойся! Никто тебя не душит, но душили... Раньше. Когда ты был в отключке. Ты просто вспомнил боль!

– А-а-а... а-а-а... а-а-а ... – испуганно всхлипывал Александр. – Да вы не понимаете, меня сейчас душат! Это все ведьма ваша, проклятый дом! – он тяжело дышал, взгляд его стал затравленным.

– Соматические болезни, слышал о таких? – поинтересовался Матвей. – Просто ты думаешь не так, как тебе приказывали. Вот такое объяснение тебе дали, чтобы ты понимал любовь правильно. Пройдет, не переживай... – дядя Матвей похлопал его по плечу. – Помучаешься маленько и пройдет. И слава богу, что вспомнил. Выздоровливать начинаешь.

Александр еще тяжело дышал, но глаза его заблестели:

– Я же говорил, что Ирка на меня как-то действует... С ней так легко, чувствуешь себя счастливым, отдаешь, и счастье в голову летит. Никогда такого раньше не испытывал. Мать не жалко, Кира вон... – Александр плакал. – Помогите, дядя Матвей! – взмолился он.

– Сам должен. Вспоминай, кто был, что хотели. Ты сильный парень, бугай такой, справишься! На тебя, парень, шило и мыло наложили.

– Какое шило, какое мыло?

– Обыкновенное. Да ты не переживай, ты не первый, не ты последний, Авдотья умела снимать, значит, и накладывать умела. Передала, видно, уменье... Рассказала, что да как, вот они и применили на практике.

– Как вы сказали? – вздрогнул Кирилл.

– Что как? – не понял Матвей, который уже и забыл про него, пока возился с братом.

– Как болезнь эта называется? – переспросил Кирилл.

– Да по-разному ее называют: порча, шило, проклятие, присушка, эпитамия... Как только ее не называют. Колдовская штучка. Как-то Авдотья рассказывала, что накладывают ее через другого человека, а потом еще и на самого человека, чтобы крепко держалась. Про шило я знаю, а как снимают – нет. Объяснила, да не понял я. Она ведь и меня маленько учить пыталась. Первого Иркиного мужика вылечила, а Славку не успела. У него не только шило, ему еще голову проткнули, – Матвей тяжело вздохнул. – Его может и не вылечить уже. Ой, как сестра с ним мучается, – покачал он головой. – Ты, Александр, не бойся. Думать надо головой, а когда умные мысли к голове не прикладываются, с особенной осторожностью. Спрашивать надо себя – почему?

– Маме позвони! – попросил Александр Кирилла.

– Вы мать-то не пугайте, она у вас людям шибко нужная, – остановил Кирилла дядя Матвей. – А ну как рожает кто, или аппендицит вырезают... Ведь бросит все, да побежит. Вам бы мать-то побережь, – Матвей повернулся к Александру, лицо его было сердитым. – Кроме Авдотьи вряд ли кто в деревне сможет тебе помочь, ты уж как-то сам себя настраивай, а я попробую узнать, кто еще этим занимается.

Кирилл Матвея уже не слушал, словно перешел в другую реальность. Он вдруг отчетливо вспомнил свой сон, стариков, которые объясняли, что такое шило.

Значит, накладывают еще, только цели другие.

Кирилл смотрел на Александра и знал, что ему можно помочь, но как? Кириллу отчаянно захотелось снова оказаться там, с этими людьми из своего сна, которые могли и знали.

– Забудьте вы про нее! Это только наше с нею дело! – взмолился Александр. – Иринка не такая, зачем ей это нужно? Я и так ее без памяти люблю.

«Да чтобы квартиру нашу к рукам прибрать!» – хотел выкрикнуть Кирилл, но промолчал, скрипнув зубами. Объяснять что-то брату было бесполезно – он не думал, не анализировал, не искал истину, руководствуясь одними лишь чувствами, которые, похоже, возвращали его в исходное состояние, стоило ему расслабиться.

И Матвей Васильевич махнул рукой, когда услышал ответ.

– Нет, я сильно занят, может быть, потом... – искренне сочувствуя, сказал он и вышел.

Глава 6

Март и апрель пролетели незаметно. Бригады строителей трудились в две смены. К Первомайским праздникам реконструкцию дома почти закончили. Он изменился и теперь совсем не походил на тот, который Кирилл и мать увидели впервые. Это был настоящий коттедж, ничуть не хуже тех, которые строили для специалистов. Надстроив еще один мансардный этаж, его утеплили, обшили кирпичом, покрыли крышу синей черепицей. Пахло краской, клеем и лаком.

На первом этаже, где был мост, расположилась прихожая и лестница. Ванная комната и комната матери располагались в том месте, где был пристрой. В другой половине дома – гостиная, столовая и кухня. И не было таких огромных печей. Только небольшие каминные, которых мать попросила поставить на тот случай, если вдруг начнутся перебои с теплом. И окна в доме теперь были большие, как в городе. На втором этаже расположились комнаты – Кирилла и Александра с теплыми лоджиями и панорамными окнами. Окно Кирилла выходило на село, что не могло его не радовать.

Комната Кирилла понравилась не только ему, но и новым школьным друзьям, которых он наконец-то смог пригласить в гости. Теперь ребята часто засиживались у него допоздна за компьютером, который, удивительно в такое время, был не у всех. Или смотрели фильмы по новому телевизору-плазме. Мать постоянно задерживалась на дежурствах, так что гнать их по домам было некому.

И, наконец-то, все вещи заняли свои места. Но когда их расставили, оказалось, что их так мало, что дом казался почти пустым. Встал вопрос о покупке новой мебели. Деньги, предназначенные на ремонт, еще оставались. Артур Генрихович не обманул, за материалы платить не пришлось, газ подвели бесплатно, да и за работу заплатили втрое меньше того, если бы ремонтом занимались сами.

Кирилл надеялся, что его мечта, наконец, сбудется, часто проверяя и обустривая будку, но когда мать собралась в город за мебелью, речь о собаке сразу же превратилась в укор:

– Кирюша, у нас так много не хватает и так много надо, что о собаке думать в настоящее время просто глупо. Хорошая собака стоит столько же, сколько уголок школьника, который тебе необходим. Ты же хочешь сидеть за нормальным столом? Давай как-нибудь в другой раз.

Кирилл пожалел, что его вообще родили, завидуя Лехе и Сереге, у которых собака была. Любимая. Вряд ли они променяли бы ее на уголок школьника или даже роликовые коньки. Он глотал слезы, обнимая за шею чужого друга, вылизывающего его щеки, издали наблюдая за тем, как мать и Александр садятся в машину. Конечно, в доме жил странный кот, но кот не нуждался в друге. Он изредка появлялся, и никого не подпускал, ни к кому не проявляя привязанности. И все так же оставался равнодушен к колбасе, молоку и кошачьему корму.

В последнее время Кирилл уже и побаивался его, заметив в нем некоторые странности, присущие нечистой силе. Не выказывая ни враждебности, ни дружеского расположения, обычно, когда Кирилл оставался один, кот вдруг появлялся из неоткуда, наблюдая за ним желто-зеленым, с красными пляшущими огоньками взглядом. Кирилл в такие минуты боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть его. А если вставал, кот буквально проваливался сквозь землю – и каждый раз, перед тем, как ему исчезнуть, на мгновение темнело в глазах.

В существование кота верила только мать, да еще отец бывшей невесты Александра Яков Самсонович. Скользкий, слащавый тип, казалось бы, после незначительной просьбы матери сообщить ей, если рабочие вдруг увидят кота, переменится в противоположную сторону, точно его подменили. Теперь он каждый день интересовался судьбой зверя, излучая неподдельную заботу и беспокойство. Свой интерес он объяснял просто: кот был редчайшей породы, принад-

лежал приемной его матери Авдотье, но после ее смерти исчез – и теперь, с его возвращением, вернулась и надежда обрести вновь утраченное сокровище.

В его объяснениях Кириллу чудился подвох, но объяснить себе в чем именно, он не смог. Кот действительно отличался от прочих котов, и мать, которая тоже его иногда видела, с этим согласилась. Во-первых, его размеры были больше обычного. Во-вторых, черная шерсть, ниспадающая до самого полу, обладала какими-то фантастическими свойствами, помогая ему быть невидимым. Однажды Кирилл на мгновение отвел взгляд, сразу же потеряв кота из виду, а спустя минуту, вплотную приблизился к тому месту, где заметил его, увидел кота снова – в той же позе, в какой сидел до исчезновения. В-третьих, его лапы с острыми когтями с металлическим отливом, хищные клыки и острые зубы напугали бы кого угодно. Кот словно специально подражал нечистой силе, чтобы оправдать про себя самые худшие подозрения. И, пожалуй, Кирилл с удовольствием вернул бы его хозяевам, чтобы он однажды не перегрыз им горло. Кот, в свою очередь, в друзья не набивался, оставаясь диким.

Вряд ли такой таинственный зверь стал бы встречать у ворот дома или дежурить возле школы. Кирилл мечтал о друге, который мог бы разделить с ним и горе, и радость – и невольно проверял конуру, будто друг там должен был появиться сам собой. В утепленной будке не хватало только подстилки да самой собаки – пусть непородистая, пусть маленькая, но живая душа. Отказ матери купить ему собаку стал ударом в самое сердце. До последней минуты он отказывался поверить, что мать его предала. Верил до последней минуты, пока мать и Александр не вернулись из города.

Кирилл лежал на кровати и безучастно пялился в потолок, не проявляя интереса к тому, что передвигали внизу мать и Александр. Он не ответил и тогда, когда мать позвала его обедать. Всякое желание разговаривать с ними пропало. Жизнь снова казалась ему беспросветной. И когда мать зашла в комнату и позвала его с собой в магазин, Кирилл не ответил, лишь отвернулся к стене. Здесь всем было хорошо, кроме него.

В какой-то степени и он радовался переменам. Мать изменилась, ей стало намного лучше. На лице ее появился румянец. В последнее время она сама вела прием и проводила операции. За месяц открыла новую лабораторию, привела в порядок родильное отделение – и, наконец, заработало оборудование, купленное захаровскими владельцами. Мать как-то незаметно расцвела и перестала вспоминать о городе, об их квартире, о папе. Изменился и Александр, перестал пить, даже собирался восстановиться в институте, но по-прежнему много говорил об Ирине. Последние два дня были из тех редких дней, когда мать была дома, занимаясь исключительно домашними делами.

А ведь она обязана была помнить, что именно он до последнего момента был рядом и терпеливо сносил все трудности, пока она возилась с Александром и с домом, работал и учился не покладая рук. И пусть она хотела, как лучше, но это не давало ей право убивать его мечту!

– Зачем? – тихо и едва внятно спросил Кирилл, колупая стену пальцем.

– Надо! – ответила мать, ободряюще хлопнув его по спине. – Надо кое-что и кое-где посмотреть. Тебе понравится, обещаю.

– Сашку проси, у вас здорово получается счастливыми оставаться! – обиженно ответил Кирилл, отодвигаясь к стене.

– Саша тоже пойдет с нами. Мы не пойдем, а поедем. Вставай! – она потрепала его, пощекотав.

Кирилл не реагировал. Мать уже собралась выйти из комнаты, но вернулась и села рядом, погладив его по голове.

– Завтра первое мая. Я считаю, мы заслужили и отдых, и небольшой праздник. Приедет тетя Вера и тетя Августа. Нужно купить мяса на шашлык. Будем жарить прямо во дворе. Баню истопим. А в-третьих, мы с Сашей посчитали и решили, что мотоцикл тебе не мешает. Их везли на той же машине, на которой доставили нам мебель. Здоровые такие, импортные. Алек-

сандру понравились, он был в восторге. Тут многие ребята имеют свой транспорт. Мы хотели скутер, но я думаю, ты его уже перерос.

Кирилл наворстил уши, но вида не подал. На одну чашу весов упала собака, на вторую мотоцикл. Чувства его смешались. Он как будто предавал друга, но ни друг, ни он сам уже не видели в этом большой трагедии.

– Мотоцикл? – настороженно переспросил он. – Вы не мне покупаете, Сашке! Наверное, он уже отписал машину Ирке своей? – Кирилл подавил боль, которая рвалась наружу на мягкий голос матери.

– Нет, Кир, на этот раз покупаем для тебя. И я, и Саша, и тетя Вера. Это подарок на твоё совершеннолетие. Я разговаривала с дядей Матвеем. Он тоже считает, что тебе можно купить мотоцикл, если водить умеешь. Один мотоцикл дядя Матвей заказал в магазине для Сережи. Ты же не хочешь ходить пешком, пока твой друг рассекает по Черемушкам на мотоцикле? Так что собирайся, – она вышла.

Кирилл сел на кровати, обдумывая соблазнительное предложение. Хотелось плюнуть, но не получилось. Каждый день сломя голову парни разъезжали по Черемушкам, с девчонками за спиной, которые крепко к ним прижимались. И он почти чувствовал, как это, когда тебе дышат в спину, сплетая руки на груди.

Сомнения отпали сами собой. Он натянул кроссовки и вышел.

Мать и Александр уже сидели в машине и ждали его. Александр загадочно улыбался, совсем как раньше, пока с ним не приключилась эта история, как будто вернулся прежний его брат, с которым они когда-то делили одну комнату. В последнее время он не злился, не впадал в депрессию, не хамил. Ни говоря ни слова, Кирилл сел на заднее сиденье. По привычке переднее место ему не уступали, так повелось еще с тех пор, пока был жив отец.

Александр повернул ключ, машина легко тронулась с места.

Минут через пятнадцать они были в двухэтажном торговом центре. Мотоцикл выбрали темно-синий с фиолетовым отливом – большой, мощный, с огромным баком. Стоил он дорого, там были и подешевле, но мать решила не скупиться.

Несколько смутила коляска, но брат лишь рассмеялся.

– Идиот, ее же снять можно! На рыбалку или куда еще, самое то! И палатка поместится, и ведро, и мать с корзинками.

Александр тут же передал ключи от машины матери, чтобы на обратном пути опробовать новое транспортное средство. Кирилл уже засомневался, что ему позволят ездить самому, но Александр лишь рассмеялся, взлохматив ему волосы.

– На него права нужны. У тебя есть шанс получить сразу категорию А и Б. Экзамен на следующей неделе, я узнавал. Машину ты хорошо водишь, и мотоцикл, я думаю, осилишь.

После этого мать и Александр отправились за продуктами, а Кирилл остался сторожить свое сокровище, в тайне надеясь, что кто-то из одноклассников пройдет мимо. В этот миг он уже и не думал о руках, обнимающих его, а мчался на своем мустанге навстречу ветру. Добраться до гор с таким транспортным средством он мог за каких-то пять минут! И было немного обидно, что мать и брат поставили ему условие, что он не сядет за руль без прав. Многие правами не заморачивались, и никто их не ловил. Конечно, на права сдавать надо, и неплохо бы потренироваться на полигоне. Он много раз проходил мимо него, с завистью наблюдая за лихачами, взлетающими над горками и на мгновение зависающими в воздухе, представляя себя на их месте.

И как назло ни одной девчонки поблизости...

Кирилл глазел по сторонам, испытывая нетерпение. И немного смешался, когда у стеклянных дверей, за которыми скрылись прощенные мать и брат, заметил черного пса, выпрашивающего подачки.

Ощущение, что он кого-то предал, вернулось – Кирилл засмотрелся на собаку.

Пес был большим, до ужаса здоровый – это при том, что кобель был страшно худ и ребра его можно было пересчитать на ощупь. Черная спина, толстый густой хвост, а по размеру не меньше кавказца. Настоящая боевая машина. Вот бы ему такую! Но к такому псу ему даже близко не позволят подойти. Сердце Кирилла тоскливо сжалось от жалости. Люди старательно обходили пса стороной, хотя пес был миролюбив и приветливо махал каждому хвостом. Когда очередной человек спускался с крыльца, пес махать хвостом переставал, провожая тоскливым взглядом, но быстро забывал, встречая того, кто показывался в дверях. Он почти тыкался носом в сумку, выпрашивая себе подношение.

Когда пес заметил пристальный взгляд Кирилла, он забеспокоился и, уступая территорию, собрался уже уходить, нехотя спускаясь с крыльца, но неожиданно вышла мать, с полными пакетами, и к немалому удивлению Кирилла, позвала пса, предлагая огромный кусок колбасы.

– Туз, иди-ка сюда... Ой ты мой хороший! Смотри, что я тебе приготовила! – она погладила его.

Пес сразу же забыл про Кирилла, проглотив колбасу в один присест. Кирилл опешил, потеряв дар речи. На мать это было не похоже, он даже засомневался, его ли это мать. Слез с мотоцикла и подошел к ним,

– Мам, а можно я тоже его поглажу, – попросил Кирилл, тихонько приближаясь.

– Туз, свои! – приказала ему мать.

Пес послушно обнюхал Кирилла. И, не обращая больше на него внимание, сунул морду в сумку, будто знал мать всю его жизнь. А мать снова повела себя странно, раскрывая пакет и давая собаке обнюхать его содержимое.

– Кирюш, это и есть мой сюрприз, – кивнула она на пса весело. – Ну, посуди сам, зачем брать дорогого щенка, если такая умная псина ищет хозяина? Местные не берут, считают, слишком большой, не прокормить. А я считаю, нормальный, – пожалала она плечами, – Мы ж на окраине живем. С таким можно ничего не бояться. Мы с ним еще неделю назад подружились, но я ждала, когда дом доделают. Пусть сразу привыкает охранять от чужих. Сидеть, Туз!

Туз послушно сел. Мать надела на него ошейник, только что купленный в магазине. Прицепила поводок.

– Мам, похоже, он вообще городской, здесь мало кто учит собак командам... – Кирилл, еще не пришедший в себя, погладил Туза.

– Он и есть городской. Охотники два года назад оставили. Он при больнице живет, иногда в магазине попрошайничает. В общем, ходит тут по центру. Ну что, согласен иметь такого друга?

– Мам, спрашиваешь! – восхищенно выдохнул Кирилл, преданно заглядывая в почти человеческие глаза. Пес еще не понимал, что жизнь его изменилась, но немного встревожился, когда его потянули к машине, пытаясь вывернуться из ошейника. Но как только мать открыла дверцу, кликнув Туза, он, не раздумывая, залез в машину, располагаясь с грязными лапами на заднем сидении. Глаза его заблестели, он нетерпеливо заскулил, поторапливая.

Туз, скорее всего, решил, что его везут в город к хозяину. Дома он слегка растерялся, поняв, что привезли его не туда, куда он стремился попасть. Несмело остановился у ворот ограды, принюхиваясь. А после по по-хозяйски обошел двор, раздумывая, что бы это все значило.

Мать вынесла ему воды и миску супа, добавив туда хлеба. Туз с жадностью все это съел, попил воды. Кирилл принес с сеновала старое сено, бросил в будку, сверху положил старое пальто, позвал Туза.

Тузу будка понравилась, хотя для него она была, пожалуй, маловата: пролазил он едва-едва, да и встать во весь рост не получалась, но, наверное, понял, что теперь у него есть дом. Пока цепь прилаживали на трубу, которая шла вдоль ограды, сидел в будке, высунув наружу

только морду. За долгий срок скитаний пес отвык от внимания и человеческой речи и, похоже, чувствовал себя неловко, с любопытством прислушиваясь к разговорам.

А Кирилл на Туза не мог наглядеться. В Черемушках такого пса не было ни у кого. Несколько запоздало, но пес вспоминал все команды, которые положено знать воспитанной собаке. Сидел, лежал, вставал рядом, подавал голос и лапу, и при этом как-то сразу понял, что хозяин его Кирилл. А когда сообразил, что он теперь не бездомный, обрадовался не меньше, не обращая внимания на Александра, который отнесся к появлению нового жильца равнодушно.

На следующее утро рано по утру, разбуженный петухами, Туз вылез из будки, впервые ответив на утренней собачей переключке, рекомендуя обходить его территорию стороной. Из груди его вырвался такой угрожающий вой, что на всех концах Черемушек собаки примолкли. Тронутый вниманием к своей персоне, Туз постоял минуты три, прислушиваясь и недоумевая, почему ему не перечат, попробовал погавкать и, не дождавшись ответа, вернулся в будку, захватив по дороге кость, оставленную у миски накануне. Счастливый Кирилл все утро не отходил от будки, испытывая чувства гордости и умиления. И Туз отвечал ему тем же, с удовольствием подставляя морду и живот новому хозяину.

Первомайские праздники решили отметить с размахом. Ближе к вечеру накануне праздника приехали тетя Вера и давняя подруга матери тетя Августа. Туз обнюхал новеньких и для порядка порычал, сразу же успокоившись, когда Кирилл объяснил ему приказом «Фу, свои!».

Увидев дом, тетя Вера и тетя Августа безгласно остановились у калитки, в молчании задрав головы. Листья еще не распустились, но почки раскрылись – двухэтажный особнячок утонул в зеленоватой дымке. Обойдя дом, вышли в сад и огород, напились воды из колодца. Возле весеннего родника, стекающего в направлении реки, ярко-зелеными кустами зацвели сочные стебли лягушачьей травы и выпускали свои саблевидные листья камыш и осот. Луг за огородом еще белел подснежниками и местами уже расцвели лимонно-желтые одуванчики.

Обе восхищенно ахали и охали.

Тетя Вера была старше матери на три года, но выглядела моложе. Часть своей жизни она прожила с мужем на дальневосточной заставе, и с тех времен сохранила некоторый акцент. Делать ей там было нечего, именно там она полностью посвятила себя познанию и созерцанию, выучив японский и китайский языки, заочно и экстерном сдав экзамены, закончила филологический факультет, после чего развелась с мужем и на пять лет уехала в Японию, устроившись переводчицей. Там она переняла некоторые японские традиции и пристрастилась к суши. Пресытившись Японией и частично Китаем, вернулась, на некоторое время забыв об этих странах, занявшись исследованием собственной истории и культуры. Закончила исторический – тоже заочно и тоже экстерном. И снова заболела, уже Египтом. В Египте и Сирии она прожила еще пять лет. Потом были Монголия и Гималаи, где она постигала йогу и восточные единоборства. Семь лет назад ее вдруг как подменили: тетя Вера внезапно вернулась, нашла мужчину своей мечты, раздобрела, проводя за плитой и с тряпкой в руках большую часть времени. Спустя три года снова переосмыслила свою жизнь, решив, что семейная жизнь не для нее, подписала несколько контрактов на перевод книг и углубилась в какой-то свой, придуманный мир, так и не сумев смириться с бытовухой. Но надолго уже не уезжала, посвятив себя матери и племянникам. Оно густо и ярко красила ресницы и брови. Короткие волосы ее были неестественно малинового цвета. По-молодежному носила вязаную юбку-мини, черные колготки с узором и короткую коричневую кожаную куртку. Единственное, о чем она сожалела, это то, что она не может иметь детей. Первая беременность закончилась выкидышем, а при чистке матки врач занес инфекцию.

Кирилл любил тетку Веру безумно, и она отвечала ему тем же, поддерживая во всех начинаниях. Так, однажды, благодаря ей, он встал на коньки, потом на ролики, потом освоил скейтборд, трижды прыгнул с самолета с парашютом, и, наконец, забил на все, увлекшись археоло-

гией. Пробовал разобраться в египетских и японских иероглифах, но склонность к такому роду занятий оказалась нулевой. Понять можно, но вспомнить, как это произноситься, наверное, смог бы только японец или тетя Вера. «Это язык чувств, мыслей и телепатов!» – восхищенно ворковала тетя Вера, пока он, испытывая некоторый шок, тупо пялился на иероглифы, пытаясь запомнить хоть что-то или, на худой конец, научиться их различать. Для него все иероглифы было на одно лицо.

Тетя Августа не молодилась. Они дружили с матерью с института, когда их поселили в одной комнате в общежитии. Сразу же после института она вышла замуж и поменяла профессию. Полная, невзрачная на вид, но ее прическа и костюмы всегда оставались безупречны. Всю жизнь она проработала главным бухгалтером на крупном заводе, а когда завод перешел в частные руки, ее сократили, приняв на ее место молодую девчонку. После увольнения тетя Августа год пыталась справиться с сильнейшим стрессом. В конце концов, как основная часть интеллигенции, подалась на рынок. Она была кормилицей в семье с тремя детьми и мужем-домохозяином. После, когда завод выкупили иностранцы, ей снова предложили возглавить финансовый отдел, но она предпочла семейный бизнес чужому. От пережитого стресса у нее осталась любовь к быстрой езде. Так она с ним справлялась: выезжала на безлюдную дорогу и выжимала скорость до предела. Никто уже и не сомневался, что она однажды убьется. Но пока нет, пока она пару раз слетела в сугроб с обочины, еще пару раз чуть не утопила машину и сорок километров шла пешком, чтобы вызвать на подмогу трактор. И стоило ей чуть-чуть понервничать, как ее тут же штрафовали за превышение скорости.

Наконец, обе тетки вернулись в ограду. Пока мать и тетя Августа разговаривали, сидя на скамейке, тетя Вера надула шарики, развесив на заборе, умиляясь теплу, солнцу и первой траве, по которой можно ходить босиком. Александр и Матвей Васильевич разжигали мангал, разрубая ветви садовых деревьев, оставшиеся после обрезки. Туз прохаживался рядом, непременно останавливаясь возле ведра с мясом, глубоко втягивая носом воздух.

Кирилл перенес вещи тети Веры и тети Августы в комнату матери. Сообразив, что сумки тяжелые, Матвей Васильевич вызвался ему помочь. Тетя Вера и тетя Августа, полной грудью вдохнув деревенский воздух, последовали за ними.

– О! – округлились рот и глаза у тети Веры, когда они остановились на пороге гостиной. – Может, я у вас лето поживу? – предложила она. – Боже, всегда мечтала о камине... Остаюсь! – она плюхнулась на софу, блаженно улыбаясь.

– Поэтому и поставили камин, чтобы вам понравилось, – сообщил Матвей. – Владимировна много о вас рассказывала, ждала.

В присутствии дам он чувствовал себя скованно. Веснушки на лице проступали ярче – он хмурился и торопился уйти. Тетя Вера закосила взглядом в его сторону, молча жестами вопрошая Кирилла. Кирилл, так же молча, ответил, укоряя за нетерпение. Когда Матвей Васильевич ушел, первым делом тетя Вера поймала его и расцеловала в обе щеки. Кирилл не отбивался, терпеливо дожидаясь, когда закончатся лобзания, понимая, что лучше не напоминать, что он заканчивает девятый класс и вот-вот станет совершеннолетним.

– Рассказывай! – хором приказали обе тетки.

– Что рассказывать? – растерялся Кирилл.

– Как вы тут, как мать? – потребовала тетя Августа.

– Что за мужчина тут у вас хозяйничает? – добавила тетя Вера.

– Про мужчин потом, – укорила ее тетя Августа. – Это потом! Как мамино здоровье, только предельно честно, не выдам!

– Нормально. Кашляет еще, но не задыхается, намного лучше, – успокоил Кирилл. – Это правда! – заверил он, посмотрев на нахмурившуюся тетю Веру. – А дядя Матвей – это наш сосед, он нам с домом помогал. Сашин начальник, он теперь работает у него в бригаде. Не женат, детей нет.

– Просто так не помогают, – с подозрением заявила тетя Вера. – У них с Анькой роман?
– Да нет никакого романа! – обиделся Кирилл. – Просто живем рядом, это дядя Лехи и Сереги. Здесь деревня! Тут все друг друга знают!

– Это те два рыжих пацана, что мотоцикл свой разбирают на запчасти? – поинтересовалась тетя Августа. – Похожи! Но я подозрительно отношусь к любому мужику, который не имеет детей в возрасте за пятьдесят. Больной?

Кирилл понял, что они думают о романе матери и дяди Матвея, невзирая на его оправдательную речь, и не поверят, пока мать сама не подтвердит его слова.

– Нет у них никого романа! – обиделся он, не зная, как их еще убедить. – Свободный он! Ну, я так думаю... И не больной, нормальный. Может, не повезло просто. Встретившись с такими тетками, – Кирилл скептически осмотрел обеих, – я бы тоже не захотел жениться.

Женщины переглянулись.

– Спасибо, племянничек! – обиделась тетя Вера. – И в правду вырос, если о женитьбе подумываешь! Присмотрел кого? В школе? Влюбился? Рассказывай!!! – она подняла руки в жесте «сдаюсь», всем своим видом выражая доверие. – Я не думаю, как Августа, что человек обязательно нездоров, если не обзавелся хвостиками к пятидесяти, – сердито взглянула на тетю Августу. – Замечательно, что не женат, может, меня, красивую, ждал! Но если я разобью Анькино сердце, голову оторвем тебе, Кирюха! – пригрозила она.

– А Матвей симпатичный мужчина, глаза у него черные, блестят, как бусинки... – подумав немного, проговорила тетя Августа. – Заметили, как краснеет?

– Много ты видела мужчин, Августа, которые бы к пятидесяти сохранили такое качество? – прищелкнула языком тетя Вера. – Да что бы на Анькином месте проворонить такого мужика!

Обе снова вопросительно уставились на Кирилла.

Кирилл понял, что убедить их не удалось, но доказывать ничего не стал. Сердито хлопнул дверью и услышал, как тетки прыснули ему вслед, пожалев, что вообще остался с ними наедине.

Стол накрыли во дворе, выложив салаты и угощения, установили на окне музыкальный центр. Когда упаренные женщины вышли из бани, Александр и Матвей уже нажарили шашлычков и потушили на углях рыбу, а за столом собрались гости: родители Сережи и Лехи, соседка Инесса и коллеги матери по работе. Одурев от счастья, Туз радовался гостям и угощению со стола, перепадавшего ему в изобилии. Позже всех пришел Яков Самсонович, отец Ирины.

Никто, кроме Александра, который сразу же протянул ему руку и посадил рядом с собой, накладывая угощения, последнему гостю не обрадовался. Его старались не замечать, но он не огорчился, сел в сторонке и молча улыбался, наблюдая за вечеринкой. Александр подсел к нему, не участвуя в разговорах, лишь подходил к столу, чтобы наполнить рюмку Якова Самсоновича и подложить ему очередную порцию горяченького мяса.

Тост за тостом – гости захмелели. Тетя Вера, наконец, с красным носом и щеками, набралась смелости и под села к Матвею, откровенно заигрывая. Но он краснел и отодвигался, украдкой посматривая в сторону матери. Кирилл уловил его взгляд, и взгляд ему не понравился. Мать о чем-то оживленно беседовала с тетей Августой и коллегой по работе, не отвечая взаимностью. Но Кириллу легче не стало, он вдруг испытал ревность.

Ох, уж эти игры взрослых! А вдруг обе женщины были правы?

Наконец, гости начали расходиться. Засобирався и Яков Самсонович, прощаясь с Александром. Увлеченная Матвеем, тетя Вера только сейчас обратила на Якова Самсоновича внимание и сообразила, что перед ней отец бывшей невесты племянника.

– А он что тут делает? – удивилась она. – Кто ему разрешил здесь находиться?

– Да он тут частенько бывает, – пояснил ей ситуацию Кирилл. – Проверяет, не нашелся ли клад, зарытый их бабкой.

– Это мой друг, – заявил Александр, вызываяще. – Ему не нужно разрешения. Тетка Верка, а ты почему на людей нападаешь? – прищурился он. – Разбирайся с Матвеем. Матвей Васильевич, увели бы вы ее куда-нибудь, а то женщина горит желанием обнять мужчину своей мечты.

Александр был пьян. Кирилл сразу почувствовал, что он вернулся в то состояние, которое у него было в то время, когда они ругались. Брат набычился, выпятив нижнюю губу, руки у него сжались в кулаки, а глаза налились кровью.

– Вы тут тоже... я заметил, не самый желанный гость, – ядовито заметил Яков Самсонович, подливая масла в огонь.

– Это я-то не желанный? – возмутилась тетя Вера, задохнувшись. – Это я-то! Да как ты смеешь... Вор, рецидивист! Мало вам Анькиной квартиры, вы и на дом нацелились? Обхаживаешь ребенка? Что вам еще надо с твоей потаскушкой? Я бы постеснялась на улицу выходить, если бы у меня была такая дочь!

– Зачем мне отбирать? Мы вроде как не чужие... – Яков Самсонович не ожидал такого отпора. – Саша почти зять мне. Милые бранятся, только тешатся, – миролюбиво произнес Яков Самсонович. – Да вы Сашу своего спросите, он подтвердит. Разве по-другому думаешь, Александр?

– По-другому? Нет, конечно же! Тетя Вера, не лезь не в свое дело, – опешил Александр от признания Якова Самсоновича, пытаясь переварить новость. – Вы приехали к матери, вот и занимайтесь своими делами.

– Вы слышали, что хозяин сказал? Я бы на вашем месте... – поучил Яков Самсонович тетю Веру. – Не забывайте, что за вами еще должок!

– Я бы на твоем месте, никогда здесь не появлялась. Не зли меня! – пригрозила тетя Вера. – А ты, Саша, сначала разберись с тем, что натворил. Шел бы ты... Стоп, какой должок? – спохватилась она. – Анька, у тебя долги, а ты дом строишь?

– Какой должок? – придвинулся Матвей Васильевич к Якову Самсоновичу, преграждая ему путь к отступлению. – Ты не надейся, мы Анну Владимировну в обиду не дадим. Говори!

Тетя Вера и тетя Августа тоже наступали на Якова Самсоновича, он попятился, упершись спиной в забор.

– А вы договор внимательно почитайте! Там все-о-о написано! – пропищал Яков Самсонович, глаза у него забегали по наступающим на него обидчикам.

– Анька, неси договор! Мы его держим! – приказала тетя Вера.

– Отойдите от человека, – бросился на помощь Якову Самсоновичу Александр. – Что вы напали на человека? При чем тут он? Я вас приглашал? Вас приглашали? Уж если приехали, не надо нам портить отношения с людьми!

– Саня, разберемся без тебя! У тебя долги, а ты его защищаешь? – Тетя Августа отталкивала Александра плечом, не давая ему дотянуться до тети Веры. – Единственный способ избавиться от кредитора, убрать его и весь его род с лица земли! – продекларировала она, недобро поглядывая на Якова Самсоновича. – Сейчас мы как раз этим займемся! – грозно прорычала она, но не сдержалась и хихикнула.

– Вот! – мать протянула тете Августе договор купли-продажи.

– И где здесь про долги? – спросила тетя Августа Якова Самсоновича, поглядывая на договор.

– В пункте про условия владения домом... что собственность на дом может быть оспорена, если в доме найдется собственность старого владельца, которая не сразу будет возвращена наследникам.

Кирилл и ужаснулся, и обрадовался. На чердаке сарая накопилось много старых вещей, которые он собрал во время ремонта. Как в воду глядел!

– Я вам все верну, они там, – он махнул рукой в сторону сарая. – Я не думал, что они кому-то понадобятся... Там все такое старое... – взмахнув возбужденно руками, торопливо проговорил он, – станок ткацкий, прядильная чурка, чугушки и ухваты, половики есть, подсвечники и самовар... Еще череп, свечи, и всякие склянки с порошками и шкурками лягушачьими. Я хотел выкинуть... – про хрустальный шар, найденный в бане под кушеткой, Кирилл благоразумно решил умолчать.

– Что? – сурово переспросила мать.

– Склянки... череп... скелет..., – виновато повторил Кирилл. – Я думал, если что, то медику не помешает.

– Ну... это можете оставить себе, – пояснил Яков Самсонович. – Нас интересуют книги и кот. Породистый. Там написано. Ну и деньги, она копила... Знаем, что были, сама показывала, но не нашли.

– Что? – переспросила мать, на этот раз хватаясь за сердце.

– Может, убийцы унесли? – поинтересовался Матвей, стоя напротив Якова Самсоновича плечом к плечу с тетей Верой. Общий враг их сплотил. Тетя вера положила руку на плечо Матвея Васильевича, словно на опору столба.

– Да-да! – поддакнула она. – Кирилл, попридержи Туза, он сожрет нас всех! Не лезь в разборки взрослых, разберемся без тебя! – тетя Вера пальцем пригрозила Тузу, который сообразил, что среди своих появились чужие, только он пока не понял, кто.

– Никто украсть их не мог, на виду она их не держала! – взвизгнул Яков Самсонович.

Матвей повернулся к матери и успокоил ее:

– А из-за скелета не переживайте, мы их в горах нашли. Хотели в музей сдать, да нет у нас музеев, а отдать на сторону жалко. Один в школе стоит, ребята на нем учатся. Авдотья лекарила, попросила для себя, вот мы второй ей и отдали. У них Ирка в морге ума набиралась, с детства там околачивается, любит резать мертвечину. У Авдотьи училась прилежно. Они от вас чего-то другое хотят. Видал я того кота, Авдотья берегла его, других таких не сыскать. И деньги у нее были, и книги, только не показывала никому, прятала... Но если воры ее убили, – прищурился Матвей Васильевич, – то нашли бы! К чему людей беспокоить, которые знать ничего не знают? – он повернулся к тете Вере. – С этим разобраться надо раз и навсегда, а то не отстанут, я эту семейку знаю!

– Воры умеют находить, что им нужно, – промычала тетя Вера.

– Да нет, Авдотья мастерица была прятать, – усмехнулся Яков Самсонович, с вызовом глядя ей в глаза. – Уж мы-то знаем! Все места знаем, где прятала, но найти не можем. И документов нет, не все. Вы кота видели – здесь он! Значит, и все остальное здесь.

– А при чем тут кот? – всполошилась мать. – Коты сами по себе!

Тетя Вера и тетя Августа переглянулись, подозрительно уставившись на мать. Смысл ее слов они не совсем поняли, или поняли и не до конца уразумели. А тем временем возмущенная мать распахнула ворота нараспашку.

– Иди! Ищи! Найдешь, все твое, а сыновей моих не тронь! И пугать меня не надо! Я людям голову не протыкаю, чтобы кошелек себе набить! Это вы черепа ломаете!

– Аня, да купи ты им кота... – рассмеялась тетя Вера. – Из-за какого-то кота такой скандал!

– Не только кот, еще деньги и книги, но не любого, а именно нашего кота! – задохнулся от злости пунцовый Яков Самсонович.

Кирилл наблюдал за потасовкой взрослых, на всякий случай, посадив Туза на цепь на безопасном расстоянии, успокаивая его. Туз рычал и рвался в бой, цепь отбрасывала его назад, и он, припадая, скулил, выпрашивая свободы. Кирилл взял его за ошейник, приказав сидеть. Туз послушался, но сидел беспокойно, не переставая гавкать. Он видел, как зла хозяйка, как

решительно настроена тетя Вера и тетя Августа, как мечется Александр, стараясь отодвинуть Матвея Васильевича от Якова Самсоновича.

– А документы, документы у вас на кота есть? – хитро прищурилась тетя Августа. – Где документы? Чем докажете, что ваш?

– Свидетели есть! Свидетели! – радостно взвизгнул Яков Самсонович. – Все наши подтвердят!

– Ага, сговорились? – поймала его тетя Августа. – Знаем мы, мы тоже свидетелей найдем!

И вдруг Кирилл увидел, что кот, черным силуэтом в лучах заходящего солнца, сидит на заборе, как раз там, где к забору был прижат Яков Самсонович.

Кирилл остолбенел...

Кот лежал, с дьявольской насмешкой наблюдая за людьми прищуренными глазами. Хвост его с силой бил по забору, и лишь раз выпустил когти, тут же втянув их обратно. Лица всех скандаливших людей были повернуты к нему, но ни один из них не видел его.

Кирилл протянул руку в направлении кота:

– Да вот же он! Вот же кот! Смотрите!

– Где? – все разом обернулись к Кириллу.

– Вот! – он протянул руку, показывая пальцем, – Вот... только что был тут...

Кот исчез. Стоило ему отвести взгляд, как кот исчез, как в прошлый раз, когда он видел его в своей комнате.

– Кирилл, что это пришло тебе в голову? Не надо обманывать! – попросила тетя Вера. – А вас, чтобы я больше здесь не видела! – пригрозила она грубо и решительно. – Переступите порог дома, придушу собственными руками! Мы вашего кота не воровали. Не идет, значит, не хозяева. Документов у вас нет, а свидетелей и мы найдем. А тебе, Саша, не следует водить дружбу с людьми, которые о долгах напоминают. Не ты, он тебе должен, столько должен, что им ни в жизнь не расплатиться!

– Да пошла ты! – крикнул ей Александр, пытаясь оттащить от Якова Самсоновича. – Кто тебя просил лезть в мои дела. Мы и без тебя разберемся, для начала свою жизнь устрой... Вдова бесплодная, у себя там некому жизнь портить, решила здесь всем испоганить? Если ты еще не поняла, Иринка... Как ты назвала ее, потаскуха? Жена моя! Мы год с ней жили! Ее не бросают, как тебя! Не успела приехать, уже трясешь своими прелестями перед мужиком, который может ни разу в жизни бабу не пробовал!

– Саша, замолчи! – заорала мать, внезапно побледнев. – Да как ты смеешь? Щенок!

– А пусть говорит... Собака лает, ветер носит, – бросила тетя Вера, несколько не обидевшись. – Твоя Ирина продала уже твою квартиру, новую купили, в элитном доме! С каким-то уголовником живет. С фингалами ходит! Видела я ее раза три, – язвительно промурлыкала она, наслаждаясь произведенным эффектом. – Богатством Господь ума не прибавляет, не дождалась тебя, племянничек! Да вот хоть у Августы спроси!

– Это правда? – обернулся Александр к Якову Самсоновичу. – Это правда, что она с кем-то живет и квартиру продала?

– Я свидетель! Мы, как-никак, в одном подъезде живем! – предупредила Якова Самсоновича тетя Августа. – Да, Сашенька, это правда! А про Ирку я мужику ее рассказала, даже познакомила с хахалем, когда мать твоя Славку на обследование привозила!

– И ты? И ты знала? – сорвался Александр на мать.

– Ну, конечно! Что ж мне не зайти да не посмотреть, как там новые люди устроились! – испытующе взвизгнула мать, испепеляя его взглядом.

Александр, с окаменевшим лицом, на негнущихся ногах развернулся и ушел в дом, не дожидаясь ответа Якова Самсоновича. Побледневшее лицо его было страшным. Кирилл хотел идти за ним, но в этот момент Яков Самсонович с силой толкнул тетю Веру. Она отлетела и

упала, не удержавшись на ногах, рядом с Кириллом. Кирилл отпустил Туза, помогая ей подняться.

– Грабители! Грабители! – она, наконец, поднялась и отряхнула грязь с юбки.

– Людей мы не грабим, – с презрением бросил в ее сторону Яков Самсонович. – А волов запрягли и будем запрягать! Моя Ирка делала всех, и будет делать – вашего запрягла, и тому козлу рога отшибет! А что мне, кого бояться? Сам Господь скотину учит резать. Сам учит, Сам выбирает! А за kota и книги вы нам еще ответите! Засудим вас, по-хорошему хотели. Сыночка своего берегите, недолго ему осталось!

– Что, Бога приватизировали? Ни стыда, ни совести! – бросила ему вслед тетя Августа. – Матвей Васильевич, закрой за ним дверь!

– Господи, Господи, да когда же это кончится? – мать всхлипнула.

– Анька, успокойся! Ничего он не сделает, – тетя Вера и тетя Августа бросились ее наперебой успокаивать.

– Я, пожалуй, пойду, – потеряно проговорил дядя Матвей, стоя в стороне от женщин. – Вы не расстраивайтесь, уезжают они скоро. С работы Яков уже уволился. Я бы вам не советовал связываться с ними. Скандалами вы ничего не добьетесь, это не те люди. Наживете врагов. Они и убить могут, – он глубоко задумался, переживая. – Как-то странно... В кражу не верят, искали и ищут, весь дом перерыли. Но ведь Авдотью убили, почему бы не поверить? Она могла сама убийцам сказать, за жизнь-то что не сделаешь? Понятно, что убийцы были недалеко. Иначе, куда бы она делась? И зачем она им мертвая понадобилась? – недоуменно пожал он плечами. – Может, испугались, или свидетельства какие-то были? Документов нет, ценных вещей нет, Авдотьи нет – а им лишь бы деньги да книгу какую-то... Может, сами ее убили? Я Авдотью знал, заходил к ней, не собиралась она ни умирать, ни дом переписывать. Ругались в последнее время, сильно она пожалела, что учила их: Ирину, Родиона, Якова. Вас, женщины, охранять надо, но, думаю, сегодня вам ничего не грозит.

Матвей нерешительно топтался на месте, переступая с ноги на ногу, потом сел на скамейку, почесав голову.

– А ну их! – тетя Августа под села к нему с рюмкой. – Праздник только испортил!

– А где Саша? – спохватилась мать. – Кирюш, посмотри, как он там. Праздник, а мы...

Кирилл обошел дом, Александра нигде не было. Он вышел в баню. Но его не было и там. В крытом дворе он его тоже не нашел. Но почувствовал тревогу, увидев открытые двери сарая и мгновенно обмяк, потеряв голос. Сашка висел в петле, дернувшись пару раз.

– Саша... Мама! Мам! Сашка повесился! – в ужасе заорал Кирилл, обхватив ноги брата и поднимая его. – Помогите!

– Ох, ты! – мать ворвалась в стайку как тигрица, схватилась за сердце и повалилась по стене.

– Веревку режь! – не растерялась тетя Вера, мгновенно сориентировавшись.

– За ноги держи, за ноги... Не опускай! – таким же хриплым голосом прошипела тетя Августа, вцепившись в Кирилла.

Матвей Васильевич оттащил Александра к обмякшей матери, встряхнул ее, приказав подсказывать, что ему делать. Сама она все еще была без сил.

– Бей... дыхание... массаж сердца... удар... еще удар... Сыночка, ты в своем уме? Да что с тобой? – взвизгнула мать.

– Саша, дураков много, из-за всех не перевешаешься, шея-то одна! – философски заметила тетя Августа, когда Александр вздохнул. – Ну, будет вам, ожил! Ну и дура-а-ак! Совсем большой! – покрутила она пальцем у его виска.

– Кирилл, воды неси... – попросила тетя Вера. – В лицо ему надо плеснуть.

Александр сел и всхлипнул.

– Я не могу, я не хочу жить, опустите меня! Я все равно повешусь не сегодня, так завтра... Да отпустите вы меня! – отмахнулся он. – Я все ей прощаю, все прощаю, я в подвале буду жить,

лишь бы рядом... Почему нам нельзя вместе? Ой, как больно, ой как сердце больно... Горит! Все горит! Внутри все горит! О-о-о... – он снова повалился на землю, схватившись за грудь.

– Сашку нельзя одного оставлять, и тебя, Анька, нельзя одну оставлять, решительно заявила тетя Вера. – Я пока с посадками помогу и с Александром поработаю. Нет ничего лучше спорта и коллектива.

– Да не бывает такого, что бы люди так убивались! – развела руками тетя Августа.

– Меня тысячу раз бросали, я бросала тысячу раз. Да если б я вешалась из-за каждого... – успокаивая, добросердечно упрекнула Александра тетя Вера. Перевела взгляд на тетю Августу, поднимая голову. – Ты, Августа, присмотри за квартирой, цветы не забудь поливать.

– Присмотрю, – поклялась тетя Августа мрачно, глаз у нее подергивался. – Вот такая любовь! Я с одним промучилась всю жизнь, а вот такая же дура. Ну в натуре я!

– Ой, девоньки, да за что мне такое горе? – всхлипнула мать, закатываясь в рыдания. – Что с парнем моим сделали?

Кирилл вышел во двор. Ему хотелось вдохнуть побольше воздуха. Страх, который он испытал, когда увидел брата в петле, никак не отпускал. Руки дрожали и коленки подкашивались, и внутри все сжалось в один ком, подкатывающий тошнотой к горлу. Он вдруг понял, что случись что с братом, он может и без матери остаться. И от этого сердце сжималось еще крепче.

Глава 7

Весна пролетела незаметно. Экзамены он сдал легко, даже и не учил, наслаждаясь новыми впечатлениями и опытом. Жизнь в Черемушках имела свои прелести. Кирилл уже не думал о городе. Знал, город для него не потерян, квартира тети Веры однажды должна была стать его наследством, если тетя Вера не перестанет его любить, что было маловероятно. Во всяком случае, одна комната принадлежала ему. Тетя Вера благородно напомнила об этом, когда позвала его жить к себе. Без матери в городе она чувствовала себя одинокой.

Но пока и Черемушки Кирилла устраивали...

Село жило как-то само по себе, словно выпав из времени. Приметы современности мирно уживались с укладом быта времен таких далеких, о которых уже никто и не помнил. Наверное, только Кирилл и тетя Вера замечали развешанные у торгового центра на продажу кружева, самотканые половики и ковры, ряды глиняной посуды, туеса из бересты и плетеные корзины – и бабушек, собравшихся на посиделки возле какого-нибудь дома с прятками.

Тетя Вера, которая жила в комнате матери, скупала все подряд, чем снискала расположение местных. Она бы и тропинки в огороде застелила половиками, если бы мать не остановила ее. После этого тетя Вера какое-то время не выходила гулять, а потом неожиданно обрела второе дыхание – и первая партия кружев улетела в Японию. Она прекрасно владела языками, читала иероглифы, преподавала в частной школе, подрабатывала переводами и переводчиком, имея много полезных знакомств. Через две недели после первой удачной выставки она увлеченно готовила вторую коллекцию, пока Кирилл рылся в ее книгах и зависал в Интернете, собирая информацию об этих местах.

Исследуя с друзьями окрестности, нашли немало пещер, а в пещерах и неподалеку – скальные гроты, которые сами по себе образоваться никак не могли. И неожиданно наткнулись на старинные капища, на которые до него никто не обращал внимания. Лежат себе валуны и лежат, сенсацию из этого не делали. А когда он заметил высеченные на камнях знаки, похожие на те, что видел в книгах тети Веры, ребята лишь пожали плечами, считая, что выбить их мог кто угодно и когда угодно. Но заинтересовались, проявив интерес к своей истории.

Одноклассники приняли Кирилла сразу, пригласив на сходняк, который устраивался по поводу дня рождения одноклассника Андрея. Через неделю девчонки не сводили с него глаз, посылая в день по несколько записок – и он почти забыл о прошлом. В мае старшие классы перед экзаменами отправили на посадку леса. Сажали сосну, ель, кедр, лиственницу и пихту. Там Кирилл окончательно почувствовал себя своим. Ребята в школе оказались дружелюбные. И, наконец, его уговорили отправиться на озера, чтобы сделать из него заправского рыбака.

Впечатления оказались незабываемые. На заимке, где охотники и рыбаки хранили припасы – крупу, сухари, муку, соль, сахар – заночевали. Кирилл поначалу струхнул, в лесу на всю ночь он оказался впервые. На улице в это время шумел лес, доносились множество устрашающих звуков – шорох, рев, свист, рычание. Но ребята лишь посмеялись над ним, без труда разбираясь в шумах леса и распознавая множество следов.

Туз не отходил от них ни на шаг. Леса он побаивался – может, поэтому охотники от него избавились, бросив в Черемушках – но на перекатах с удовольствием выхватывал поднимающуюся на нерест рыбу, вытаскивая на берег. С Тузом Кирилл наловил три ведра осетров. Леха и Серега управлялись с острогой с проворностью индейцев, и наловили втрое больше. Поначалу Кирилл не придавал этому значения: азарт, охвативший его во время ловли, прошел, он понятия не имел, что с этим уловом будет делать, но, когда вернулся, на огороде его уже ждала выстроенная коптильня и приготовленный навес. Матвей Васильевич лично взялся показать, как правильно заготавливать рыбу на зиму, которую местные и вялили, и сушили, и солили. Оказалось, заготавливать рыбу во время нереста для черемуховцев было мероприятие ответ-

ственное. Запасами с озера, леса и огорода кормились всю зиму. Во время нереста поднимали егерей, чтобы отлавливать браконьеров с сетями, а местным давали пару дней выходных. После полученных разъяснений Кирилл начал относиться к промыслу ответственно, уделяя навыкам больше серьезности. После бани да под пиво, через месяц от рыбы остались воспоминания. Даже Александр испытал чувство сожаления, когда рыба закончилась. На будущий год на нерест решили отправиться всей семьей.

Под чутким руководством дяди Матвея, тетя Вера быстро научилась вспарывать рыбинам животы, вытаскивая икру. Ее закатывали в банки, укладывая в ледник – ледник под черемухами восстановили по совету местных, натаскав льда с реки и собрав последний не стаявший снег, присыпая слоями торфа, – а рыбу натирали солью и развешивали, закрывая марлей от мух. А потом объедались, черпая икру ложками. За икру и рыбу, которую тетя Вера обожала в любом виде, Кириллу присвоили почетное звание «кормилец».

Но не успел Кирилл моргнуть глазом, как остался один.

С раннего утра до позднего вечера друзья вкалывали то на покосе, то пасли коров, то ломали веники, то промышляли на озерах рыбой и грибами, а кто-то устроился на работу. Даже по вечерам встретиться не всегда удавалось. Наслушавшись рассказов о темном черемуховском прошлом, в котором были случаи, когда от человека находили лишь окровавленные одежды и обувь, мать соваться в лес ему одному запретила строго-настрого. Кирилл, в общем-то, и не рвался, особенно после того, как неподалеку от Черемушек встретил медведя, который поднялся на задние лапы и пошел на него. Он едва успел завести мотоцикл и выбраться на дорогу. Пару раз он рискнул испытать себя в деле, напросившись к Лехе пасти деревенское стадо, а после неделю лежал с температурой. Обгоревшая кожа слезила с него лохмотьями. Чтобы снять зуд от ожогов, мать мазала спину кислой сметаной и умиротворенно наставляла, как тяжело дается молоко. Зато на солнце он мог теперь находиться сутками. Кожа его стала темно-бронзовая, светло-русые волосы выцвели и пожелтели, на лице ярко выделялись голубые, слегка поднятые уголками глаза.

Эта раскосость отличала его от брата, с которым в остальном они были похожи. За последние два месяца он вдруг вытянулся и стал с Александром почти вровень. Отличие их с братом было лишь в том, что Александр, имея за плечами армию и спортивные секции, имел стальные мышцы, о которых Кирилл мог только мечтать. Пока он был худощав – и не приходилось надеяться, что это можно как-то исправить. Тетя Вера гоняла его не хуже тренера сборной страны, заставляя отжиматься и обливаться холодной водой, но тренировки не помогли, разве что сбросил еще пару килограммов.

Попыток суицида брат больше не предпринимал, но состояние улучшилось ненамного. Он по-прежнему оставался раздражительным, грубым, жаловался на здоровье. И все же тете Вере удалось заставить его обливаться по утрам ледяной водой из колодца, подтягиваться с нею на турнике. Местные девушки Александром интересовались, прохаживаясь вечерами мимо дома, внимание брату льстило, но интереса он не проявлял. Попытки завоевать его сердце вызывали в нем лишь сочувствие – он все еще надеялся, что Ирина вернется в его жизнь.

И ждал...

И вдруг подметили, что среди всех девушек Александр как-то незаметно для себя выделил одну. Ни к кому он не относился с такой враждебной неприязнью, как к сестре Славы, с которым познакомил его Матвей Васильевич. Того самого, с лоботомией. Когда упоминалось имя Мирославы, Александр вздрагивал, а если кто-то защищал ее и говорил о ней что-то доброе, обижался. Александр то тихо презирал ее, то деятельно ненавидел, замечая в ней только ужасы, которых никто кроме него не видел. А если представлялся удобный случай и слушатели, высмеивал. А то он вдруг испытывал какой-то непонятный страх, когда ему хотелось причинить ей боль, вымещая свою злобу, будто винил в чем-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.